

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХV.

1899.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 79б.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	89
Графъ П. А. Капнистъ. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи. III (продолженіе)	185
Н. Г. Зографъ. Оградная страница изъ исторіи русской науки. Анатолий Петровичъ Богдановъ (окончаніе)	207
В. В. Бартольдъ. Новыя изслѣдованія объ орхонокскихъ надписяхъ	231
П. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Глава IV (продолженіе)	261
Ө. И. Успенскій. Академикъ Василій Григоріевичъ Васильевскій. Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ его по изученію Византии	291

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Хр. М. Лопаревъ. Житіе св. царицы Теофаніи и его позднѣйшіе пересказы	343
А. Э. Шмидтъ. Muhammeds Lehre von der Offenbarung quellenmäßig untersucht von Dr. Otto Pautz. Leipzig. 1898.	362
С. Ө. Платоновъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Николая Барсукова</i> . Книга тринадцатая. С.-Пб. 1899	375
— Книжныя новости	378
— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ)	23

СОВРЕМЕННАЯ КЪ ТОПИКА.

— Къ вопросу о педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній и объ улучшеніи матеріальнаго ихъ положенія	11
Л. Н. Майковъ. Объ ученой дѣятельности А. Ө. Вычкова	43
А. Т. Писко изъ Рима	67

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Брашенинниковъ. Просоріана (продолженіе)	1
В. Л. Изъ Марціала	19
А. Г. Бекетрешъ. Двѣ рукописи Satumomachiae Теодора Продрома	22

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го октября).

АКАДЕМИКЪ ВАСИЛІЙ ГРИГОРІЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ.

Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ его по изученію Византіи.

Покойный академикъ В. Г. Васильевскій составляетъ весьма крупное явленіе въ исторіи русской науки не только потому, что это былъ ученый, оставившій послѣ себя ясно очерченный слѣдъ и хорошо опредѣлившееся направленіе, но и потому, что обладалъ въ обширной степени даромъ ученой комбинаціи и любви къ избранному имъ предмету. Больше четверти столѣтія онъ занималъ безспорно первое мѣсто и авторитетное положеніе въ области византиновѣдѣнія, будучи мастеромъ и руководителемъ нѣсколькихъ поколѣній молодыхъ людей и бодро стоя на стражѣ того научнаго движенія, которое создавалось у насъ и укрѣплялось въ послѣдніе десятки лѣтъ благодаря его же, главнымъ образомъ, учено-литературной дѣятельности. Слѣдуетъ признать, что по мѣрѣ появленія работъ Васильевскаго постепенно возрасталъ у насъ интересъ къ византійскимъ занятіямъ, такъ какъ подъ его перомъ оживали и получали реальное значеніе или забытые, или недостаточно понятые тексты, и такъ какъ вслѣдствіе его изученій обнаруживались новыя связи между древнерусской и византійской исторіей. Слѣдящія за развитіемъ въ Россіи историческихъ знаній и за новыми завоеваніями въ научной области не могли пропускать безъ вниманія его почтенныхъ трудовъ, направленныхъ къ освѣщенію нашей сѣдой старины и къ выясненію средствъ и путей, которыми совершался обмѣнъ литературныхъ памятниковъ и правовыхъ воззрѣній между Византіей, южными славянами и Русью. Уже давно было отмѣчено, что сила Васильевскаго заключается столько же въ оригинальности ума и находчивости.

сколько въ искусствѣ вычитывать въ памятникахъ то, чего другіе не подозрѣвали или пропускали безъ вниманія.

Хотя нельзя сказать, что смерть Васильевского была неожиданной, ибо здоровье его пошатнулось уже давно, но предложеніе редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* — сдѣлать оцѣнку трудовъ покойнаго академика — застигло насъ при такихъ условіяхъ, которыя не вполне благоприятствуютъ исполненію нечальнаго долга въ желаемой полнотѣ. По многимъ причинамъ, изъ коихъ главная та, которая, безъ сомнѣнія, внушила и редакціи мысль обратиться къ намъ съ означеннымъ предложеніемъ, — разумѣемъ близкое сходство занятій по спеціальности, — мы не считали справедливымъ уклониться отъ участія въ посильной оцѣнкѣ заслугъ Васильевского. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, сдѣлаемъ маленькую оговорку. Въ высшей степени затрудняетъ дать цѣльное впечатлѣніе о трудахъ Васильевского то обстоятельство, что громадная его литературная производительность выразилась въ составленіи большихъ и малыхъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ и большею частію спеціальныхъ органахъ. Едва ли, далѣе, могутъ отыскаться даже у самого автора всѣ напечатанныя имъ статьи, тѣмъ болѣе оказывается затруднительнымъ подобрать его сочиненія намъ, лишеннымъ возможности обращаться въ казенныя и частныя русскія бібліотеки. Давъ согласіе, при указанныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, написать статью объ ученыхъ трудахъ Васильевского по византиновѣдѣнію, мы руководились тѣмъ соображеніемъ, что, постоянно слѣдя за сочиненіями его, по мѣрѣ появленія ихъ въ печати, въ состояніи будемъ подчеркнуть по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя должны быть разсматриваемы, какъ цѣнное наслѣдство, какъ подлинный вкладъ въ науку. Можетъ быть, мы не упомянемъ всѣхъ статей, но цѣнное скажемъ о тѣхъ, которыя наиболѣе важны и цѣнны.

I.

Общесторическія темы въ связи съ изученіемъ Византіи.

Въ спеціальномъ кругѣ занятій по Византіи Васильевскій отмечалъ себѣ частный отдѣлъ — русско-византійскія отношенія, то-есть, онъ наиболѣе интересовался такими темами, которыя прямо или косвенно касаются исконныхъ связей и отношеній между Византіей и

древней Русью. Такъ какъ именно эти статьи его имѣли большій кругъ читателей, то нѣтъ ничего удивительнаго, что съ именемъ Васильевского всего обыкновеннѣй соединяется идея объ авторѣ „Русско-византійскихъ отрывковъ“ или изслѣдованій, какъ самъ онъ озаглавилъ рядъ статей, посвященныхъ разбору отношеній между Византією и Россіей. Но было бы ошибочно при оцѣнкѣ всѣхъ его сочиненій сходить съ чисто византійской почвы. Главнымъ поприщемъ его ученыхъ разысканій была Византія, главнѣйшіе матеріалы, съ помощію которыхъ онъ орудовалъ въ своей специальности, были византійскіе, и преслѣдуемая имъ конечная цѣль направлялась къ освѣщенію византійской исторіи. Но онъ имѣлъ на византійскую исторію и на потребности ея изученія свой опредѣленный взглядъ, который неоднократно выражалъ въ печати. Признавая, что „до сихъ поръ не написано еще византійской исторіи, сколько-нибудь удовлетворяющей современнымъ требованіямъ исторической науки и по возможности представляющей цѣльное изображеніе всѣхъ сторонъ византійской жизни“, онъ, однако, находилъ еще преждевременнымъ приступать къ составленію византійской исторіи и нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ въ статьяхъ „Матеріалы для исторіи византійскаго государства“. Собираніе и опубликованіе новыхъ матеріаловъ, а равно объясненіе уже изданныхъ, по мало изученныхъ, памятниковъ считалъ онъ пока насущной потребностью византійскихъ занятій. Это даетъ намъ ключъ къ объясненію выбора темъ, какими занимался Васильевскій. Извѣстно, что большинство его прекрасныхъ изслѣдованій составлено въ видѣ комментарія къ какому-либо памятнику или въ видѣ изслѣдованія по частному спеціальному вопросу. Въ одномъ мѣстѣ, въ статьѣ о Метафрастѣ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюль 1897, стр. 333) онъ дѣлаетъ драгоцѣнное научное признаніе, характеризующее его систему и методъ. „Когда мы писали свою первую статью о Метафрастѣ, то, конечно, по наружности все направляли къ разрѣшенію важнаго въ критическомъ отношеніи вопроса о времени, когда именно онъ жилъ, но (?) въ дѣйствительности настоящее удовольствіе и надежду на благодарность читателей и ученыхъ мы почерпали въ самомъ процессѣ изслѣдованія, такъ какъ онъ заключался въ изученіи и подробномъ изложеніи доселѣ недоступныхъ, а между тѣмъ весьма любопытныхъ памятниковъ, содержащихъ даже очень яркія черты прошлой дѣйствительности, или же не лишеныя значенія подробности тогдашняго быта и нра-

вовъ". Но въ своихъ спеціально византійскихъ статьяхъ Васильевскій задавался разными задачами, направляя изслѣдованіе на освѣщеніе или спеціально византійскихъ, или общенсторическихъ, или славяно-русскихъ проблемъ. Во всякомъ случаѣ, классифицируя статьи по разнымъ отдѣламъ, мы предпочли руководиться собственными цѣлями автора, а не слѣдовать какому-либо другому методу, напримѣръ, хронологическому. Прежде всего предлагаемъ обзоръ статей, въ которыхъ трактуются общенсторическія темы.

Никогда не забыть того сильнаго впечатлѣнія, какое произвело въ средѣ интересовавшихся русскимъ историческимъ движеніемъ появленіе первой по времени статьи Васильевского по Византіи, въ которой и начинается его научная извѣстность. Это была статья „Византія и печенѣги“, помѣщенная въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (ноябрь и декабрь 1872), на страницахъ котораго печаталось затѣмъ большинство сочиненій, написанныхъ Васильевскимъ. Большой почитатель и товарищъ нашего ученаго по профессурѣ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, нерѣдко поощрялъ петербургскихъ молодыхъ людей примѣромъ Васильевского и ссылаясь именно на эту статью въ доказательство той мысли, что византійскія занятія могутъ открывать неожиданныя и блестящія перспективы для русскаго историка. Кстати уже два слова о Константинѣ Николаевичѣ. Я не знаю человѣка, который бы такъ живо и любовно интересовался успѣхами русской науки и который бы съ такой настойчивостью пропагандировалъ среди петербургской молодежи занятія Византіей. Уже находясь на краю могилы и самъ будучи лишень силъ для серьезныхъ занятій, онъ видѣлъ себѣ отраду въ томъ научномъ движеніи, во главѣ котораго стоялъ Васильевскій, „звѣзда первой величины“, по его выраженію, и заключалъ надеждой, что можетъ ему передъ смертью удастся еще читать хотя бы начало византійской исторіи на русскомъ языкѣ. Надежда эта не оправдалась: Васильевскій сошелъ въ могилу, не успѣвъ привести въ порядокъ свои произведенія, а византійской исторіи на русскомъ языкѣ и доселѣ еще не появлялось.

И по своему внутреннему значенію, и по живости изложенія, и по методическимъ приѣмамъ—упомянутая статья „Византія и печенѣги“ можетъ быть взята, какъ образецъ для характеристики ученой дѣятельности Васильевского. Здѣсь авторъ особенно наглядно показалъ примѣненіе научнаго метода къ разработкѣ темъ, уже, повидимому,

старыхъ и значительно разработанныхъ. Здѣсь находимъ въ высшей степени счастливое соединеніе научныхъ интересовъ византійской и общеевропейской исторіи, которое получаетъ особую привлекательность тѣмъ, что вскрываетъ тѣсную связь между вопросами чисто византійскими и проблемами общей, а также специально русской исторіи. Мы не можемъ при этомъ не подчеркнуть того обстоятельства, что главнѣйшимъ образомъ производительность Васильевского характерауется поисками за точками соприкосновенія между византійской и русской исторіей и что наиболѣе извѣстные и отличающіеся наибольшимъ мастерствомъ труды его дѣйствительно посвящены этимъ темамъ, которыя, можно надѣяться, не вполнѣ еще имъ исчерпаны.

Кардинальный вопросъ, рѣшаемый занимающимъ насъ изслѣдованіемъ, сосредоточивается на выясненіи мотивовъ перваго крестоваго похода ия ближайшихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ походъ. Рѣчь идетъ, однако, не о клермонской рѣчи, а объ южно-русскихъ событіяхъ во второй половинѣ XI вѣка. Исходнымъ пунктомъ служить давно уже отмѣченный фактъ, различно объясняемый историками крестовыхъ походовъ. Крестоносцы перваго похода, по прибытіи въ Константинополь, сверхъ всякаго ожиданія, нашли у императора Алексѣя I Комнина холодный приѣмъ, нежеланіе воспользоваться ихъ услугами и кромѣ того оскорблены были такими требованіями и претензіями, которыя дѣйствительно не могли не быть для нихъ обидными. Слѣдствіемъ этого была столь предная для общехристіанскаго дѣла неудача, которою пользуются мусульмане во вредъ какъ грекамъ, такъ и западнымъ христіанамъ. Нужно ли приписать постигшія крестовый походъ неудачи ошибкамъ грековъ, или же напротивъ можно оправдать грековъ и искать объясненія неудачъ въ другихъ обстоятельствахъ? Васильевскій сдѣлалъ попытку анализировать глубже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, взаимныя отношенія грековъ и крестоносцевъ и пришелъ къ выводу, что въ 1097 году Византія не нуждалась ни въ чьей помощи, а что находилась на краю гибели и весьма нуждалась въ посторонней помощи нѣсколько ранѣе, въ 1089—1090 году. Наиболѣе интересными и привлекательными съ точки зрѣнія русской исторіи являются тѣ мѣста, гдѣ рисуются отношенія грековъ къ печенѣгамъ и половцамъ съ одной стороны и туркамъ-сельджукамъ съ другой, и гдѣ впервые со всей наглядностью развивается мысль, что вслѣдствіе согласованнаго движенія печенѣговъ и турокъ имперія дѣйствительно переживала отчаянныя минуты въ

1090 году. Рисуя положеніе, въ которомъ находилась Византія въ это время, Васильевскій констатируетъ факты изумительные: одновременное движеніе половцевъ и печенѣговъ со стороны европейской и турокъ-сельджуковъ со стороны азіатской, отчаянное положеніе Алексѣя Комнина, дающаго невѣроятныя обѣщанія тому, кто подастъ ему помощь, сношенія съ русскими князьями и союзъ съ половцами. „Византійская имперія тонула въ турецкомъ нападени: утопающій не разбираетъ средствъ для своего спасенія. Нечестивый, безбожный, шельудивый Бонякъ и его не менѣе достойный товарищъ Туторканъ были союзниками отчаянія; они должны были въ самомъ благопріятномъ случаѣ только помочь императору Алексѣю пережить критическую минуту, пока не придутъ болѣе надежныя, болѣе цивилизованныя и человѣчныя союзники. Этими союзниками были люди латинскаго запада; у нихъ просилъ себѣ помощи императоръ Алексѣй, туда были отправлены грамоты, призывавшія со всѣхъ сторонъ наемное войско: фактъ, до сихъ поръ отвергаемый патріотизмомъ греческимъ, но тѣмъ не менѣе не подверженный на малѣйшему сомнѣнію“.

Самымъ эффектнымъ результатомъ изученія источниковъ I крестоваго похода было приуроченіе извѣстнаго письма Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому именно къ событіямъ 1090—1091 года. Сборы западныхъ крестоносцевъ въ походъ нѣсколько замедлились, между тѣмъ въ это время обстоятельства на Востокѣ измѣнились до такой степени, что въ 1097 г. императоръ Алексѣй Комнинъ не имѣлъ уже нужды въ иноземной помощи и собственными силами могъ справиться со всѣми врагами имперіи. Но мы воспользуемся здѣсь словами нашего автора: „первый крестовый походъ имѣлъ бы, несомнѣнно, совершенно другое направленіе и совершенно другой исходъ, если бы Бозмунды и Готфриды явились какъ спасители греческой столицы, если бы обдуманному и смѣлому честолюбію одного и упрямой благочестивой гордости другаго не было противопоставлено ни самостоятельной византійской политики, ни самостоятельной греческой арміи... Велико было разочарованіе и сильно было неудовольствіе западнаго рыцарства и особенно его предводителей, когда они увидѣли, что печенѣги и турки, отъ которыхъ они должны были спасти Восточную имперію, находятся теперь въ рядахъ византійской арміи, и что императоръ Алексѣй самымъ постыднымъ и вѣроломнымъ образомъ пользуется службой невѣрныхъ язычниковъ, высылая ихъ противъ христіанъ, воиновъ креста и гроба Христова. Но если бы

грозная сила печенѣгской орды не была уничтожена половецкими полками и остатки ея не были превращены въ покорное орудіе византійской политики, то Константинополь въ концѣ XI столѣтія былъ бы либо турецкимъ городомъ, либо столицей Латинской имперіи на Востокѣ". Съ цѣлью ознакомить съ психологіей византійскаго общества авторъ даетъ обширныя выписки изъ государственныхъ актовъ, изъ соборныхъ постановленій, изъ переписки между Константинополемъ и папскою куріей и наконецъ изъ литературныхъ произведеній, трактующихъ о вопросахъ, занимавшихъ тогдашнее образованное общество.

Можно сказать, что Васильевскій не только поднялъ интересный и капитальный въ общей исторіи вопросъ, но и обстоятельно рѣшилъ его съ помощію привлеченія новыхъ матеріаловъ, которые до него оставались въ тѣни и не были поставлены въ надлежащее освѣщеніе. Уже и здѣсь эффектно выдѣляется оригинальная сторона таланта Васильевского прокладывать новые пути въ изученіе избранныхъ вопросовъ и вычитывать въ давно извѣстныхъ текстахъ то, чего другіе въ нихъ не подмѣчали. Только недостаткомъ критики и отсутствіемъ специальной школы можно объяснить то обстоятельство, что блестящее изслѣдованіе Васильевского не было подвергнуто въ нашей литературѣ дальнѣйшимъ выводамъ и не получило закрѣпленія въ наукѣ, какъ важный историческій фактъ. Но русское изслѣдованіе было въ свое время замѣчено въ специальной западно-европейской литературѣ. Графъ Ріанъ, извѣстный знатокъ средневѣковой литературы, въ особенности крестовыхъ походовъ, подвергъ критикѣ вопросъ о подлинности памятника, на которомъ основывается аргументація Васильевского. Сейчас же за появленіемъ изслѣдованія графа Ріана (*Riant, Alexii Comneni Romanorum Imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria. Genevae 1879*) Васильевскій напечаталъ статью: „Письмо Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому“, гдѣ снова возвращается къ вопросу, предметомъ коего было изслѣдованіе „Византія и печенѣги“, и приводитъ новыя доказательства въ пользу подлинности письма. Къ рѣшенію въ высшей степени тонкаго спора нашъ ученый приводитъ свидѣтельства средневѣковыхъ писателей, на которыя Ріаномъ не было обращено вниманія (извѣстія Эккегарда и Метохита), и съ успѣхомъ удерживаетъ за собой послѣднее слово въ этомъ научномъ вопросѣ. Важныя дополненія къ событіямъ перваго крестоваго похода—хотя уже болѣе со стороны деталей—находимъ еще въ изданіи, помѣ-

пенномъ Васильевскимъ въ *Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ* (т. VI, вып. 2, Спб. 1886 г.), житія Мелетія Новаго. До известной степени житіе Мелетія имѣетъ такое же значеніе для XI вѣка, какъ житія Луки и Никона Метаноите для X-го. Весьма цѣнны находимыя въ житіи данныя о западныхъ крестоносцахъ, прибывшихъ бурей къ Пирею, аѳинской гавани; драгоцѣнны замѣтки о византійскихъ администраторахъ Эмлады. Маленькая замѣтка о Львѣ Никеринѣ, который у западныхъ писателей является подъ именемъ *Bulgarorum principis Nichita*, разрѣшаетъ важное историческое недоразумѣніе.

Весьма близко къ произведенію, которымъ мы занимались до сихъ поръ, стоятъ двѣ статьи, напечатанныя въ *Славянскомъ Сборникѣ* и имѣющія заглавіе: „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ“. Въ статьяхъ „Византія и печенѣги“ авторъ даетъ новую постановку для нѣкоторыхъ фактовъ, относящихся къ первому крестовому походу; статьями „Изъ исторіи Византіи“ достигается такая же задача по отношенію ко второму походу. Общее историческое значеніе второго изслѣдованія заключается въ разработкѣ вопроса о *союзѣ двухъ имперій*—восточной и западной—направленномъ противъ папы и сицилійскихъ норманновъ. Какъ извѣстно, неудачи, постигшія участниковъ второго крестоваго похода, объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ во время движенія западныхъ крестоносцевъ на востокъ, Рожеръ II сицилійскій сдѣлалъ открытое нападеніе на Византію и побудилъ византійское правительство искать заключенія противохристіанскаго союза съ турками-сельджуками. Послѣ этого понятны недовѣріе и подозрительность императора Мануила и византійцевъ къ крестоносцамъ второго крестоваго похода. Никто другой, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ государей западныхъ, былъ главнымъ виновникомъ печальнаго похода и напрасныхъ бѣдствій второго крестоваго похода. Охарактеризовавъ взаимное положеніе политическихъ партій въ Европѣ и Азіи въ 1148 году, авторъ переходитъ къ выясненію новыхъ обстоятельствъ дѣла, на основаніи изученія современныхъ славяно-русскихъ отношеній. „Въ то время какъ западъ двигался на востокъ, а европейскій востокъ на западъ, не могъ остаться спокойнымъ и сѣверъ, изобиловавшій тогда враждебными христіанству и гражданственности дикими силами, уже не разъ рѣзко вторгавшимися въ отношенія греко-славянскаго и римско-германскаго міра“. Не будемъ входить вслѣдъ за Васильевскимъ въ подробное изложеніе событій на сѣверѣ. Это, во-первыхъ, былъ переходъ за Дунай Половецкой орды, которая подвергла византійскія области страшнымъ опустоше-

ніямъ и заставила императора Мануила лично предпринять походъ на Дунай, чтобы обуздать дерзкихъ хищниковъ. Во-вторыхъ, это былъ союзъ норманскаго короля съ Гейзой II венгерскимъ, противъ котораго императоръ Мануиль поддерживалъ въ самой Венгрии другаго претендента, знаменитаго своими скитаніями по свѣту и романтическими похождениями, сына Коломана и Евфиміи Владиміровны, дочери кіевскаго князя Владиміра Мономаха, Бориса Коломановича. Въ-третьихъ, это была борьба за кіевскій столъ между Изяславомъ и Юріемъ Долгорукимъ, въ которой венгерскій король поддерживалъ Изяслава, а константинопольскій императоръ—Юрія и его союзниковъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, это была борьба за привлеченіе Сербіи въ нѣмецко-византійскій союзъ, борьба, потребовавшая личнаго похода императора противъ Уроша, брата Стефана Немани.—Таковы узоры, вышиваемые Васильевскимъ по основной канвѣ—союзъ двухъ имперій. Правда, эти узоры слишкомъ оттънили собою основу, такъ что она не выдѣляется рѣзко на фонѣ и требуетъ иногда пристальнаго вниманія, чтобы прослѣдить ее по всей ткани, но авторъ успѣлъ внести совершенно новыя данныя въ изложеніе событій II крестоваго похода и вскрылъ весьма интересные факты—связь исторіи русскаго сѣвера и угро-славянскаго юга съ событіями всемірной исторіи.

Къ темѣ, предметомъ которой была статья „Изъ исторіи Византіи“. Васильевскій обратился еще въ 1894 году, напечатавъ въ I т. *Византійскаю Временника* обширное изслѣдованіе по поводу надгробнаго слова архіепископа Солунскаго Василя на смерть Ирины, первой супруги Мануила Комнина. Императрица Ирина была именно залогомъ дружественныхъ отношеній между двумя имперіями въ эпоху II крестоваго похода. Она была свояченицей Конрада III и сосватана за царя Мануила съ цѣлью укрѣпленія политическаго союза восточной и западной имперій, изъ коихъ каждая нуждалась въ такомъ союзѣ противъ преобладанія папы и сицилійскихъ норманновъ. Переговоры объ этомъ союзѣ, начатыя еще Лотаремъ Саксонскимъ и отцомъ Мануила царемъ Кало-Іоанномъ (1118—1143) и окончившіеся брачнымъ союзомъ Мануила и Берты Зульбахъ, составляютъ предметъ изслѣдованія Васильевскаго, въ которомъ онъ вноситъ чрезвычайно интересныя пополненія и поправки въ исторію того времени, написавшую *Бернарди* и помѣщенную въ *Jahrbücher der Deutschen Geschichte*. Надгробное слово архіепископа Солунскаго служитъ для автора канвой, которая впрочемъ не стѣсняетъ его въ томъ, чтобы дѣлать иногда и весьма пространныя экскурсы въ область исторіи и современной литературы. Такъ

у Ѳ. Продрома онъ находить стихотвореніе по случаю вступленія германской княжны въ Константинополь; такъ, давая прекрасный экскурсъ по политической исторіи Византіи въ 1141—1143 г., онъ сообщаетъ весьма интересныя данныя о положеніи иностранной принцессы, предназначенной быть супругой императора. Когда въ 1147 г. крестоносцы 2-го крестоваго похода приближались къ Константинополю, свояченица Конрада III была уже царицей, и, безъ сомнѣнія, многое въ личныхъ отношеніяхъ между Конрадомъ и Мануиломъ должно быть приписано влиянію ея. Нужно признать, что комментарій къ надгробному слову Ирины цѣлкомъ входитъ въ исторію византійско-германскихъ отношеній и сообщаетъ ей большую живость. Не остался безъ исчерпывающаго объясненія и вопросъ о Василіи, митрополитѣ Солунскомъ, при чемъ попутно затронута литература полемики между восточной и западной церковью и сдѣланы интересныя замѣчанія къ соборнымъ константинопольскимъ актамъ 1155—1156 годовъ.

II.

Русскія темы въ связи съ изученіемъ Византіи.

Выше мы сказали, что наиболѣе привлекательными для Васильевскаго темами были тѣ, которыя обнаруживаютъ прямую или косвенную связь между византійской и русской исторіей. Большинство относящихся сюда работъ самимъ авторомъ опубликовано подъ общимъ заглавіемъ: „Русско-Византійскіе отрывки“. Небольшая часть изслѣдованій этого рода была вновь обработана и издана въ отдѣльной книжкѣ: „Русско-Византійскія изслѣдованія. Житія Георгія Амастрядскаго и Стефана Сурожскаго“ (С.-Пб. 1893). Такъ какъ эта книжка имѣетъ помѣту: выпускъ II, то можно догадываться, что предполагался и выпускъ I, въ который должны были войти другія изслѣдованія изъ этой же области. Для будущаго біографа Васильевскаго дата появленія выпуска II „Русско-Византійскихъ изслѣдованій“ должна имѣть важное значеніе. Уже къ этому времени нашъ ученый сталъ серьезно думать о подведеніи итоговъ своей дѣятельности, иначе говоря, къ этому времени пылливый и критическій умъ его пересталъ находить новыя и живыя темы въ излюбленной имъ области.

Русско-Византійскіе отрывки или изслѣдованія — блестящая попытка оживить посредствомъ новыхъ, всестороннихъ и исчерпываю-

щихъ предметъ разысканій вѣчно свѣжую и привлекательную для русскаго ученаго тему о первыхъ столѣтіяхъ русской исторіи. Сколько бы эта тема ни получала себѣ вспомогательныхъ матеріаловъ отъ археологіи, эта послѣдняя все же будетъ зависѣть въ своихъ окончательныхъ выводахъ отъ изученія письменныхъ памятниковъ и отъ рѣшенія спорныхъ филологическихъ и географическихъ вопросовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство византійскихъ историковъ прямо или косвенно участвуетъ въ поступательномъ движеніи русской науки къ освѣщенію первыхъ страницъ русской лѣтописи. Васильевскій, можно сказать, взялъ въ свои руки подразумеваемые вопросы и сдѣлалъ ихъ предметомъ преимущественнаго вниманія. Высокій авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, а равно глубокая и широкая эрудиція и тонкая наблюдательность по изученію древнихъ текстовъ доставили ему въ области изученія русско-византійскихъ отношеній такое почетное мѣсто, какого никто до него не занималъ. Въ виду сказаннаго мы не можемъ не удѣлить значительнаго мѣста тому отдѣлу его произведеній, который составляетъ его неувядающую академическую славу. Мы думаемъ, что лучше достигнемъ своей цѣли—подчеркнуть заслуги Васильевскаго въ этой области, если предложимъ анализъ его произведеній по связи съ основными вопросами древне-русской исторіи, въ разрѣшенія которыхъ онъ принималъ участіе. Въмѣсто того, чтобы слѣдить за его статьями по мѣрѣ появленія ихъ на страницахъ разныхъ изданій, мы предлагаемъ рядъ темъ изъ древняго періода русской исторіи въ связи съ изученіемъ Византіи, которыя занимали вниманіе Васильевскаго. Можно сказать, нѣтъ такого спеціальнаго вопроса по отношенію къ первымъ страницамъ русской исторіи, котораго бы Васильевскій или не дѣлалъ предметомъ спеціальнаго изученія, или по которому бы не имѣлъ случая высказать свое мнѣніе. Что въ этихъ вопросахъ онъ считалъ себя хозяиномъ и не любилъ чужаго вмѣшательства, свидѣтельствуется тѣмъ, что, не будучи вообще сторонникомъ литературной полемики, онъ съ большимъ пыломъ выступалъ противъ несогласныхъ съ нимъ по русско-историческимъ вопросамъ. Вспомнимъ статью противъ Д. И. Иловайскаго и противъ автора настоящаго очерка.

Въ русской исторіи есть много весьма деликатныхъ вопросовъ, къ которымъ нельзя подходить безъ опасенія оскорбить чье-нибудь національное, религіозное или личное чувство. Эти вопросы и до сихъ

поръ могутъ возбуждать горячіе споры и быть предметомъ страстной полемики, хотя не стало болѣе Погодина, Куника, Васильевского.

1. Таковъ прежде всего вопросъ о началѣ русскаго государства и о толкованіи извѣстія Несторовой лѣтописи подъ 862 годомъ. Есть ли это извѣстіе легенда или историческій фактъ? Было бы излишне здѣсь говорить о господствующихъ двухъ школахъ и характеризовать ихъ взгляды и основныя положенія. Мы можемъ войти прямо въ сущность дѣла и обрисовать принятое Васильевскимъ положеніе въ нескончаемомъ спорѣ норманистовъ или несторовцевъ и ихъ противниковъ (антинорманисты разныхъ красокъ). Въ самый разгаръ борьбы школъ въ семидесятыхъ годахъ Васильевскій выступилъ (въ 1875 г.) съ замѣчательной статьей „Варяго-русская дружина въ Константинополѣ“; за этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ разысканій въ той же области, которыми Васильевскій пытался локализовать вопросъ о началѣ русскаго государства и свести его къ историческимъ и хронологическимъ даннымъ и географическимъ терминамъ. Ни норманисты, ни ихъ противники до сихъ поръ не могли указать ни въ Скандинавіи, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ этнографическій или географическій терминъ, соотвѣтствующій воззрѣніямъ русскаго лѣтописца, то-есть, нигдѣ не могли указать народа, называвшаго себя въ IX вѣкѣ Русью; поиски за свидѣтельствомъ о до-рюриковской Руси выводятъ изслѣдователей далеко изъ Скандинавіи и Россіи, и находки сосредоточиваются главнымъ образомъ въ греко-византійскихъ памятникахъ. Хотя до сихъ поръ, однако, упоминанія о до-рюриковой Руси въ Византіи могутъ имѣть значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что даютъ право отодвинуть на нѣсколько лѣтъ назадъ противъ Нестора извѣстность имени Русь, а не рѣшаютъ вопросъ о происхожденіи русскаго государства, тѣмъ не менѣе поиски въ византійскихъ памятникахъ дали нѣсколько новыхъ основаній къ рѣшенію и этого вопроса по связи съ двойникомъ Руси—варягами. Именно въ этомъ смыслѣ получаетъ значеніе изслѣдованіе Васильевского „Варяго-русская дружина въ Константинополѣ“ (рядъ статей въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1874—1875), относящееся къ числу лучшихъ его произведеній и могущее быть поставлено рядомъ съ статьею „Византія и печенѣги“. Исходною точкою изслѣдованія служатъ извѣстіе византійскихъ и арабскихъ источниковъ, что въ 988 году Владиміръ Святой отправилъ въ Византію вспомогательный военный корпусъ въ 6.000 человекъ. Этотъ корпусъ остается въ Византіи и участвуетъ въ войнахъ имперіи преимущественно на азіатской границѣ и въ

Южной Италиі. Гдѣ упоминается русскій корпусъ, тамъ же исторія и сага локализуеътъ варяговъ, изъ чего необходимо заключать о какой-либо связи между тѣми и другими. Совершенно новымъ и оригинальнымъ приѣмомъ было привлеченіе къ рѣшенію вопроса новаго матеріала, почерпаемаго изъ норвежскихъ сагъ. Находя, что сага есть довольно поздній и окрашенный посторонними элементами источникъ, авторъ обращается къ пѣснямъ скальдовъ и по нимъ возстановляетъ реальный мотивъ саги. На исторіи Гаральда ему удается съ значительной степенью достовѣрности провѣрить свою теорію саги и доказать, что роль норманновъ въ Византіи значительно преувеличена и даже извращена въ сагѣ. У византійцевъ въ первый разъ варяги упоминаются подъ 1034 годомъ, и хотя это совпадаетъ съ пребываніемъ въ Константинополѣ Гаральда, но не можетъ быть толкуемо въ смыслѣ тождества термина варяги и скандинавская дружина Гаральда. Разборъ скандинавской саги, показывая оживленные сношенія скандинавскаго сѣвера съ Гардарики, какъ называлась Россія, въ то же время свидѣтельствуетъ о большомъ движеніи норманновъ въ Византію. Эти послѣдніе факты, почерпаемые также изъ саги, руническихъ надписей и новѣйшихъ раскопокъ, выдвинуты особенно сильно *Томсеномъ* въ сочиненіи, появившемся сначала на англійскомъ языкѣ (1876), потомъ на нѣмецкомъ языкѣ: *Der Ursprung des Russischen Staates*. Gotta 1879. а въ 1891 году на русскомъ языкѣ (*Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.*). Всецѣло Васильевскому принадлежитъ та заслуга, что онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ прослѣдилъ исторію употребленія имени варяги по византійскимъ источникамъ. Изъ сопоставленныхъ имъ и въ первый разъ выдвинутыхъ текстовъ получаютъ слѣдующіе результаты: 1) тамъ, гдѣ у византійскихъ писателей упоминаются варяги, тамъ разумѣются русскіе изъ вспомогательнаго корпуса; 2) нигдѣ у византійскихъ писателей не встрѣчаются рядомъ варяги и русскіе, а либо то, либо другое, отсюда Скилица, пользовавшійся Атталиотой, имѣлъ полное основаніе замѣнить слово „русскіе“ своего источника словомъ „варяги“; 3) наконецъ, въ хрисовулахъ варяги и Русь выражаютъ одно имя и стоятъ рядомъ безъ соединительнаго союза—*Ῥως Βάραγγοι*, то-есть, византійскій офиціальныи языкъ знаетъ выраженія варяго-русь, русь-варяги. Заключая отсюда, что варягами въ Византіи назывались тѣ русскіе, которые состояли во вспомогательномъ корпусѣ, отправленномъ Владиміромъ. постепенно пополнявшемся въ XI вѣкѣ новыми пришельцами изъ Кіева, Васильевскій уклонился, однако, отъ прямого

вывода: варяги—Русь кievская, а даетъ нѣсколько осторожное заключеніе. Но такъ какъ имя варяги пришло въ Византію изъ Кіева вмѣстѣ съ военнымъ корпусомъ, то оно, не заключаая въ себѣ этнографическаго или географическаго признака, обозначало лишь союзниковъ, прибывшихъ изъ Россіи, которые удержали имя варяговъ потому, что такъ назывались въ Кіевѣ наемники. Такъ по крайней мѣрѣ можно объяснить нѣсколько темныхъ выраженій автора: „самое имя варяговъ по своему происхожденію принадлежитъ скандинавскому сѣверу, но пришло въ Византію изъ Кіева. Въ Кіевѣ наемниками были скандинавы, и они называли себя вэрингами; имя сдѣлалось обычнымъ и для русскихъ, такъ какъ и русскіе союзники и наемники стали называть себя варягами, а погречески варангами“. Не становясь прямо въ ряды норманистовъ, Васильевскій въ указанномъ изслѣдованіи несомнѣнно подкрѣпилъ положенія означенной школы, и въ заключеніи высказалъ, что скандинавская теорія происхожденія русскаго государства покоится на двухъ столпахъ: на именахъ русскихъ князей и названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ, которыя все-таки остаются неславянскими, несмотря на разныя попытки ненаучной филологіи объяснить ихъ послavianски.

Если бы автору суждено было при жизни вновь пересмотрѣть и обработать это сочиненіе, то онъ могъ бы присоединить къ нему прекрасное мѣсто, извлеченное имъ изъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки и безповоротно закрѣпляющее за терминомъ варяги географическій и этнографическій смыслъ. Это знаменитое мѣсто о Гаральдѣ: Ἐράλδης βασιλεὺς μὲν Βαράγγιας ἦν οὐδὲ (Совѣты и разказы византійскаго боярина, въ переработкѣ издано въ Запискахъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, часть XXXVIII, p. 97, 2).

Тѣсную связь съ рассмотрѣннымъ сочиненіемъ представляютъ изслѣдованія надъ житіями Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго, появившіяся сначала на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, затѣмъ въ обработанномъ видѣ изданныя отдѣльной книжкой въ 1893 г. (Русско-византійскія изслѣдованія). Занимаясь этими житіями, Васильевскій имѣлъ въ виду не только интересы русской исторіи, но и специально византійскіе. Сдѣланные имъ выводы въ приложеніи къ византійской агіографической литературѣ мы укажемъ ниже, когда перейдемъ къ работамъ его по византійской исторіи, теперь же будемъ оставаться на почвѣ русской исторіи. По отношенію къ имени „Русь“ установленъ также роковой пробѣлъ въ

древней этнографіи. Ни въ Скандинавіи, ни въ другихъ частяхъ Европы и Россіи не оказалось племени или народа, который бы въ IX вѣкѣ назывался Русью. Взамѣнъ того постепенно накопился значительный подборъ мѣстъ, упоминающихъ о Руси ранѣе 862 года, то-есть, ранѣе того періода, съ котораго по теоріи начальнаго русскаго лѣтописца началась прозываться русская земля. Эти свидѣтельства о Руси, извлекаемыя изъ византійскихъ и арабскихъ писателей, уже и потому получаютъ непрекаемую важность, что почти на 200 лѣтъ старше начальной русской лѣтописи.

Такъ какъ между памятниками, говорящими о до-рюриковской Руси, упомянутыя выше амастридское и сурожское житія занимаютъ первое мѣсто, то понятенъ высокій научный интересъ, который эти житія имѣютъ для первоначальной русской исторіи. Къ сожалѣнію, до появленія труда Васильевского объ этихъ житіяхъ судили или по переводамъ, или по небольшимъ отрывкамъ. Онъ первый получалъ въ свое распоряженіе греческій оригиналъ житія Георгія Амастридскаго, изучилъ его съ точки зрѣнія происхожденія и языка, какъ памятникъ определенной эпохи, и впервые издалъ оба житія въ полномъ видѣ, снабдивъ ихъ прекраснымъ комментариемъ. Въ настоящее время въ изданіи Васильевского русская наука имѣетъ полный сводъ матеріала для одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ древней русской исторіи и необходимое пособие для всякаго, кому придется заниматься не только житіями, но и вообще древнимъ періодомъ русской исторіи. Такъ какъ амастридское житіе, послѣ изслѣдованія Васильевского, можетъ быть поставлено въ числѣ наиболѣе важныхъ памятниковъ, изъ которыхъ почерпаются данныя о Руси до эпохи основанія русскаго государства, то мы считаемъ необходимымъ отиѣтити здѣсь его аргументацію по отношенію какъ къ автору, такъ и ко времени происхожденія житія. Извѣстно, что амастридское житіе входитъ въ русскую исторію одною своей подробностью, именно изложеніемъ чуда по случаю нападенія русскихъ на Амастриду. Вопросъ заключался въ опредѣленіи періода, когда случилось это нападеніе Руси, есть ли это нападеніе, стоящее въ связи съ походомъ Аскольда и Дира, или же совершенно особенное и независимое отъ этого послѣдняго. Такъ какъ въ житіи не сохранилось никакихъ хронологическихъ указаній и такъ какъ съ точностью нельзя было опредѣлять ни времени жизни святаго, ни времени происхожденія его житія, то Васильевскому предстояла задача опредѣлять эти вопросы на основаніи изученія житія, какъ литературнаго памятника. Какъ изъ самаго житія, такъ и изъ другихъ

матеріаловъ выясняется, что Георгій былъ посвященъ въ епископы Амастриды около 790 года, и что время его смерти падаетъ на періодъ между 802—807 годами. Что касается автора житія, этотъ вопросъ Васильевскимъ рѣшается на основаніи двухъ очень тонкихъ соображеній, вынесенныхъ изъ изученія стила и формы житія: умолчанія объ иконахъ и общности литературныхъ приемовъ въ житіи Георгія и въ житіяхъ патріарховъ Тарасія и Никифора и Григорія Декаполита. Такъ какъ авторъ послѣднихъ произведеній есть извѣстный писатель IX вѣка Игнатій Діаконъ, то написаніе нашего житія должно быть приписано ему же. Что касается времени происхожденія житія, то оно составлено по внушенію преемника амастридскаго Георгія, епископа Іоанна, и составлено прежде 842 года, такъ какъ авторъ находился подъ запретомъ свободно говорить о святыхъ иконахъ и тщательно избѣгаетъ употреблять имя „икона“. Критическіе приемы, употребленные для пріобрѣтенія и оправданія указанныхъ здѣсь выводовъ, обличаютъ мастера дѣла, очень глубоко вдумавшагося въ настроеніе эпохи X вѣка и тщательно изучившаго литературные приемы той эпохи. Во всякомъ случаѣ смѣло можно назвать комментарий къ житію Георгія Амастридскаго образцовымъ и чуть ли не безпримѣрнымъ въ нашей ученой литературѣ критическимъ онытомъ. Этотъ комментарий слѣдовало бы рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства въ историко-филологическія семинаріи университетовъ.

Весьма важнымъ заключеніемъ является то, что если все сочиненіе, не исключая и постороннихъ чудесъ, составляетъ одно неразрывное цѣлое, написанное однимъ лицомъ и за одинъ разъ и притомъ не позже первой половины IX вѣка, то необходимо придти къ выводу, что и нашествіе Руси на Амастриду уже около 842 года было возможнымъ или даже дѣйствительно совершившимся событіемъ. Не останавливаясь здѣсь на ретроспективномъ экскурсѣ Васильевскаго о бесѣдахъ Фотія и объ извѣстіи, помѣщенномъ въ *Annales Vertipiensis* подъ 839 годомъ, находимъ нужнымъ отмѣтить особенно извѣстіе арабскаго писателя Ибн-Хордадбега, жившаго въ IX вѣкѣ и говорящаго о русскихъ купцахъ славянскаго племени, ведущихъ торговлю на Черномъ морѣ и иногда провозящихъ свой товаръ на верблюдахъ въ Багдадъ, гдѣ славянскіе евнухи служатъ имъ переводчиками. Изъ этого извѣстія, которое до сихъ поръ не достаточно было объяснено критически, становится яснымъ, что торговля сношенія русскихъ купцовъ съ Византіей чрезъ Черное море и съ му-

сουλманскими странами чрезъ Каспійское относятся еще къ сороковымъ годамъ IX вѣка,—такимъ образомъ Русь была извѣстна византіянамъ въ первой половинѣ этого столѣтія.

Точно также съ полнымъ запасомъ историко-литературныхъ знаній и вооруженный серіозной критикой приступилъ Васильевскій къ сурожскому житію св. Стефана. Главнѣйшая его заслуга и здѣсь заключается въ томъ, что онъ издалъ въ первый разъ какъ славянское подробное житіе, такъ и краткое греческое, сдѣлавъ такимъ образомъ для всѣхъ доступнымъ важный матеріалъ. Далѣе, онъ съ болѣющимъ, чѣмъ это дѣлалось до него, вниманіемъ изучилъ изданный имъ матеріалъ, какъ историко-литературный памятникъ, обративъ особенное вниманіе на его составъ и на исторію происхожденія его отдѣльныхъ частей. При этомъ Васильевскому удалось воспользоваться новыми данными для полнаго освѣщенія избранной темы, напримеръ, онъ первый обратилъ вниманіе на службы Стефана. Результатомъ его изученія получились выводы, касающіеся хронологіи. Стефанъ оказывается исповѣдникомъ православія при Константинѣ Копроннѣ, онъ былъ отправленъ въ заточеніе въ Сугдею, гдѣ много потрудился надъ распространеніемъ христіанства и потомъ избранъ былъ въ епископы города. Эти выводы, полученные изъ Минологія Василія и изъ церковныхъ службъ, послужили для нашего ученаго надежною базой для критики болѣе подробныхъ извѣстій, помѣщенныхъ въ краткомъ греческомъ и подробномъ славянскомъ житіяхъ. Здѣсь не мѣсто слѣдить за методическими приѣмами автора, направленными къ тому, чтобы показать различія въ составѣ краткихъ сказаній и болѣе подробныхъ позднѣйшихъ извѣстій о святомъ въ житіяхъ. Имъ установлено, что болѣе подробныя житія совершенно произвольно вносятъ въ сказаніе о Стефанѣ чуждые элементы; такъ влагаютъ въ уста Стефана дѣйствія и слова, принадлежащія патриарху Герману, такъ вставляютъ тирады изъ Патерика, въ особенности же дѣлаютъ заимствованія изъ житій Іоанна Златоуста и митрополита Петра. Имѣя въ виду, что выдержки изъ Златоуста житія дѣлаются со славянскаго перевода, авторъ приходитъ къ заключенію, что подробное житіе составлено было на Руси и не есть переводъ съ греческаго. Время составленія его должно быть отнесено къ началу XV вѣка. „Наше изслѣдованіе, говоритъ авторъ, было бы излѣпше тщательнымъ и подробнымъ, если бы мы не могли сослаться съ одной стороны на литературный интересъ памятника, оказывающагося очень любопытнымъ, именно по приѣмамъ, употреблен-

нымъ для его созданія, а съ другой—на тѣсную и неразрывную связь житія съ посмертными чудесами, въ которыхъ встрѣчается столь важное и въ то же время столь загадочное упоминаніе о нападеніи русскаго князя на Сурожъ".—Извѣстно, что въ житіи Стефана есть чудо по случаю нападенія на Сурожъ великой русской рати подъ предводительствомъ князя Бравлина и другое чудо исцѣленія царицы Корсунской Анны. Тщательный анализъ всего матеріала, содержащагося въ житіи, далъ Васильевскому средства внести и въ загадочный вопросъ о чудесахъ нѣсколько новаго свѣта. Прежде всего онъ выдвинулъ имя архіепископа Филарета, который былъ современникомъ нападенія Руси на Сурожъ, и съ значительной вѣроятностью заключилъ, что это было то же самое лицо, которое въ другомъ мѣстѣ называется ученикомъ и непосредственнымъ преемникомъ Стефана. Филаретъ же оказывается лицомъ, извѣстнымъ изъ переписки Ѡ. Студита, и такимъ образомъ управленіе его Сурожемъ должно падать на первыя десятилѣтія IX вѣка. На основаніи указанныхъ сопоставленій дѣлается весьма опредѣленнымъ выраженіе житія: „по смерти же святаго мало лѣтъ минувшимъ“. Если св. Стефанъ умеръ въ самомъ концѣ VIII вѣка, то время управленія архіепископией Филарета и нашествія на Сурожъ русской рати ясно приурочивается къ самому началу IX вѣка, то-есть, немного лѣтъ спустя по смерти Стефана. Нельзя думать, что всѣ вопросы по поводу сурожскаго житія разрѣшены нашимъ авторомъ окончательно. Но послѣ его изслѣдованія остается твердымъ то, что и въ сурожскомъ житіи идетъ рѣчь о Руси до-юриковской, и что, слѣдовательно, до времени основанія русскаго государства имя Руси было извѣстно.

2. Затронувъ вопросъ объ основаніи русскаго государства и сдѣлавъ совершенно новыя и неожиданныя наблюденія надъ исторіей терминовъ варяги и Русь, Васильевскій по самому ходу своихъ занятій не могъ не коснуться другаго темнаго вопроса изъ древней исторіи Россіи, именно *крещенія св. Владиміра*. Хотя ни одной своей статьѣ онъ не далъ такого заглавія, но помѣщенное въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1876 г. изслѣдованіе „Къ исторіи 976—986 гг.“ собственно занимается крещеніемъ Руси при Владимірѣ, и, какъ по основной темѣ, такъ и по привлеченнымъ къ разъясненію ея новымъ матеріаламъ, составляетъ одно изъ блестящихъ произведеній покойнаго академика. Уже предыдущими изслѣдованіями Васильевскаго привлеченъ былъ новый элементъ въ объясненіе событій, имѣющихъ отношеніе къ крещенію

Руса,—это фактъ посланки вспомогательнаго отряда въ Византію. Владиміромъ. Такъ какъ на почвѣ русскихъ памятниковъ не могутъ быть выяснены ни хронологія событія, ни ближайшіе мотивы, ни самое мѣсто крещенія Владиміра, то авторъ пытается посредствомъ тщательнаго анализа византійскихъ писателей подмѣтить настроеніе эпохи и опредѣлять отношеніе ближайшихъ къ этой эпохѣ писателей къ крещенію Россіи. И прежде всего имъ подмѣчено, что вся византійская письменность, занимающаяся временемъ, послѣдовавшимъ за смертію Цимисхія, проникнута общимъ сознаніемъ тяжкаго и исключительнаго положенія, въ которомъ находилась имперія въ первые годы царствованія Василия II. Сюда относится прежде всего извѣстіе Льва Діакона о страшной кометѣ 975 года, которая предвѣщала мятежи, нашествіе враговъ, междоусобныя брани, голодъ, моровую язву и почти совершенную гибель имперіи. Это замѣчаніе о бѣдствіяхъ въ особенности потому имѣетъ реальный смыслъ, что высказано уже послѣ указанныхъ грозныхъ событій, ибо писатель разказывалъ объ нихъ гораздо позже 975 года. Затѣмъ, то же положеніе вещей рисуется въ новеллѣ Василия II, въ которой событія первыхъ лѣтъ его царствованія разсматриваются, какъ сплошной рядъ бѣдствій, угрожавшихъ ниспроверженіемъ всей вселенной.—Что же это за событія, которыя такъ потрясли Византію въ первые годы Василия и которыя падали на время отъ 976 по 988 годъ? — Это, во-первыхъ, появленіе самозванцевъ-бунтовщиковъ, оспаривавшихъ у императора власть. Таковы были Варда Скляръ и Варда Фока. Последний въ концѣ 988 года подступилъ къ самому Константинополю и держалъ царя Василия въ крѣпкой осадѣ. Это было, во-вторыхъ, освободительное движеніе въ Болгаріи, во главѣ котораго стоялъ Самуилъ, нанесшій войскамъ Василия сильныя пораженія. Сюда же относятся давніе счеты и борьба съ германскими императорами за обладаніе Южной Италіей. Наконецъ, въ числѣ напастей, угрожавшихъ имперіи, нельзя не поставить и походъ Владиміра на Корсунъ и угрозы его идти войною на Константинополь. Успѣхи Варды Фоки приостановлены были въ 989 году, именно онъ былъ разбитъ и потерялъ жизнь въ апрѣлѣ этого года. Угрозы Владиміра походомъ на Константинополь также совпадаютъ съ періодомъ утѣсненія со стороны Варды и предшествуютъ 989 году. Васильевскому удалось подмѣтить затѣмъ то, что византійскіе лѣтописцы говорятъ о дружественномъ участіи русскаго вспомогательнаго корпуса въ послѣднемъ дѣлѣ Василия съ бунтовщикомъ Вардой Фокой, слѣдова-

тельно, выдвинуть мысль, что въ началѣ 989 г. произошло соглашеніе между Владиміромъ и Василюмъ, слѣдствіемъ котораго былъ брачный союзъ кіевскаго князя съ византійскимъ дворомъ. Здѣсь именно слѣдуетъ полагать кульминаціонный пунктъ ученой заслуги Васильевскаго въ занимающемъ насъ вопросѣ. Тогда какъ греческая традиція выдвигаетъ на первый планъ дружественное соглашеніе между Русью

Византіей и брачный договоръ, не ставя съ этимъ въ связь крещенія Владиміра, а русская останавливается лишь на крещеніи, не давая удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о характерѣ и мотивахъ сношеній Кіева съ Константинополемъ, привлеченная Васильевскимъ къ изученію вопроса арабская традиція счастливо пополняетъ утраченныя въ византійской и русской исторіографіи промежуточные звенья въ цѣпи событій. Мы говоримъ объ извѣстіяхъ арабскихъ писателей Аль-Макина и Ибнъ-аль-Атира. Въ особенности первое имѣетъ капитальное значеніе и заключается въ слѣдующемъ: „и взбунтовался открыто Варда Фока и приглашалъ людей признать его за царя и владѣлъ всѣми землями грековъ до берега моря. И стало важнымъ дѣло его и боялся его Василій боязнію великою. И истощились богатства его и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ руссовъ, они же были его врагами, и онъ просилъ у него помощи. И царь руссовъ согласился на это и просилъ свойства съ нимъ. И женился царь руссовъ на сестрѣ Василя, царя грековъ, послѣ того, какъ онъ поставилъ условіемъ принятіе христіанства и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его.—И отправился царь руссовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василя и соединился съ нимъ. И они оба стоворились пойти навстрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушей и моремъ и обратили его въ бѣгство“.

Арабская традиція значительно расширяетъ кругозоръ нашъ на крещеніе Руси и показываетъ, въ какой степени скудны русскія извѣстія и въ какомъ направленіи слѣдуетъ ждать и желать ихъ пополненія. Походъ на Корсунъ ясно мотивируется политическими цѣлями, что и соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла, оправдываемому договорами съ греками и другими данными. Переговоры Василя съ Владиміромъ, вызванные стѣсненнымъ положеніемъ Византіи, также имѣли прежде всего въ виду военный союзъ, хотя и закончились принятіемъ греческой вѣры Владиміромъ. Остается, однако, и здѣсь невыясненнымъ вопросъ о мѣстѣ крещенія Владиміра и о личномъ походѣ русскаго князя въ Константинополь. Въ вопросѣ о

крещенія Руси при Владимірѣ остается еще нѣсколько невыясненныхъ подробностей, которыя въ общемъ завясаютъ отъ утраты византійской традиціи. Большой заслугой нашего ученаго нужно признать то, что онъ первый выдвинулъ и оцѣнилъ арабскія извѣстія, въ сопоставленіи съ которыми получили надлежащее освѣщеніе сами византійцы. Что дебаты по вновь поднятому вопросу не закрыты, интересующіеся русской исторической наукой могли убѣдиться въ 1883 г. при выходѣ книги барона В. Розена „Императоръ Василій Болгаробойца“, въ которой между прочимъ приведены извѣстія другаго арабскаго писателя о русско-византійскихъ отношеніяхъ 988—989 года. Яхъи Антіохійскаго. Это, оказывается, тотъ писатель, которымъ пользовался Аль-Макинъ въ своихъ извѣстіяхъ о крещеніи Руси и котораго такъ эффектно Васильевскій привлекъ къ дачѣ важныхъ показаній насчетъ событій 988 и 989 годовъ. Съ появленіемъ первоисточника, конечно, измѣнились нѣсколько и отношенія исторической критики къ свидѣтельству Аль-Макина, но въ общемъ арабская традиція только выиграла, получивъ новое подтвержденіе въ свидѣтельствѣ почти современнаго событіямъ писателя (Яхъи писалъ въ началѣ XI вѣка), пользовавшагося недошедшими до насъ греческими источниками. Въ какомъ направленіи могутъ далѣе идти изслѣдованія по занимающему насъ интересному вопросу, объ этомъ мы имѣли случай высказаться въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1884 г. (апрѣль).

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, отмѣтимъ еще новый византійскій источникъ, впервые оцѣненный Васильевскимъ и оказавшійся весьма важнымъ для характеристики положенія Византіи въ 986—989 гг. Разумѣемъ стихотворенія Іоанна Геометра. До Васильевского время жизни этого писателя опредѣлялось весьма различно, отчего произведенія его оставались непонятыми и лишенными настоящаго историко-литературнаго колорита, между тѣмъ Іоаннъ Геометръ жилъ въ концѣ X вѣка. Въ особенности цѣны сдѣланныя Васильевскимъ указанія на тѣ мѣста изъ Геометра, гдѣ дѣлаются намеки на войну съ русскими (ὄρμη καὶ ἦμας Ῥωσικῆ κακοπλῖα), на междоусобную войну (то-есть, бунты Варды Склира и Фоки) и на болгарское возстаніе.

3. Въ такой же степени важный вопросъ въ древней исторіи Россіи, какъ вопросъ о крещеніи, составляютъ событія 968—973 годовъ или *походы Святослава въ Болгарію*. Изученіе походовъ Святослава приобрѣло особую важность въ наукѣ въ особенности со времени откры-

тія извѣстной записи готскаго топарха. Кромѣ того, съ походами Святослава связано нѣсколько специальныхъ и далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ—этнографическихъ, географическихъ и хронологическихъ. Васильевскій подходилъ къ походамъ Святослава въ Болгарію не одинъ разъ. Такъ въ 28 т. *Записокъ Императорской Академіи Наукъ* имъ помѣщена, совмѣстно съ Куникомъ и Ламбининымъ, статья, посвященная хронологическимъ недоразумѣніямъ, а изслѣдованіемъ о запискѣ готскаго топарха онъ далъ походамъ Святослава въ Болгарію новое освѣщеніе. Записка греческаго или готскаго топарха, какъ названы учеными открытыя византийствомъ Газе отрывки, остается до сихъ поръ весьма загадочной и по своему происхожденію, и по содержанию. Въ этомъ памятникѣ есть столько неопредѣленностей и намековъ, допускающихъ различныя толкованія, а что еще хуже—пропусковъ, что споры объ немъ никакъ не могутъ считаться закрытыми даже послѣ изслѣдованія Васильевскаго, вообще не любившаго оставлять затронутыя имъ темы безъ исчерпывающаго изученія. Въ отрывкахъ описывается переправа черезъ Днѣпръ, упоминается о Климатахъ, о борьбѣ греческаго топарха съ варварами, нападавшими на его область, наконецъ о сильномъ и воинственномъ государѣ на сѣверѣ отъ Дуная. Самъ Газе отнесъ отрывки къ исторіи Крыма и приурочилъ описываемыя въ нихъ событія ко времени завоеванія Херсона Владиміромъ въ 988 году. Но послѣдующіе толкователи отрывковъ по послѣднему пункту высказали сомнѣнія и разногласія. Такъ, Гедеоновъ относилъ ихъ ко времени Святослава, Куникъ былъ того мнѣнія, что отрывки трактуютъ не о русскихъ нападеніяхъ на Крымъ и что подъ варварами здѣсь всего естественнѣе разумѣть хазарь, Ламбинъ относилъ содержащіяся въ отрывкахъ извѣстія ко времени Олега, Иловайскій ко времени Игоря. Вообще же, въ смыслѣ опредѣленія хронологіи, встрѣчаемъ колебанія на сто лѣтъ, отъ конца IX до конца X вѣка. Выводы Васильевскаго оригинальны въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Крыма на Дунай, во-вторыхъ, далъ совершенно иное толкованіе историческому содержанию отрывковъ, поставивъ ихъ въ связь съ исторіей войнъ Святослава въ Болгаріи. Независимо отъ этого онъ первый сдѣлалъ прекрасный русскій переводъ отрывковъ, присоединивъ къ тексту обширный и исчерпывающій предметъ комментарий, чѣмъ далъ возможность пользоваться этимъ памятникомъ и неспециалистамъ. Не останавливаясь здѣсь ни на содержаніи отрывковъ, ни на объясненіяхъ къ нимъ Васильевскаго, мы ограничимся указаніемъ

его историческихъ выводовъ. „Въ первомъ изъ отрывковъ идетъ рѣчь о возвращеніи пзъ-за Днѣпра по направленію къ Дунаю; во второмъ и третьемъ о столкновеніи съ врагами гдѣ-то въ сѣверо-западной Болгаріи и о рѣшеніи покориться русскому князю Святославу; однимъ словомъ рѣчь идетъ о событіяхъ русско-болгарской войны. Остаются подробности, болѣе или менѣе отчетливо выступающія на видъ при наученіи фрагментовъ“.

Что касается этихъ послѣднихъ, нашъ авторъ прежде всего устраняетъ возможность возникнуть возраженія со стороны географическихъ терминовъ Боріонъ, Маврокастронъ и Климаты. Онъ объясняетъ, что первыя изслѣдователи вовлечены были въ ошибку именно терминомъ Климаты „и привычкой искать его только въ Крыму, между тѣмъ, какъ Климаты совсѣмъ не имѣютъ такого тѣснаго значенія и употребляются примѣнительно къ различнымъ странамъ. А если это такъ, то нѣтъ необходимости придерживаться Крыма, какъ скоро другія части содержанія отрывковъ позволяютъ не настаивать на этомъ. Левъ Діаконъ между прочимъ свидѣтельствуетъ, что Никифоръ Фока отправилъ въ Кіевъ Калокира для заключенія со Святославомъ договора; свидѣтельство Льва Діакона находятъ себѣ подтвержденіе и въ дальнѣйшемъ объясненіи у Зонары (XVI, статья 27). Въ отрывкахъ идетъ рѣчь о правителѣ греческой области на Дунаѣ, который находится въ затруднительномъ положеніи отъ отрядовъ, стоящихъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверъ отъ Дуная“. Нашъ авторъ видитъ здѣсь указанія на отряды Святослава, дѣйствующіе въ Болгаріи въ эпоху войнъ Святослава, греческій же топархъ есть правитель одной изъ придунайскихъ областей, оставшейся въ подчиненіи Византіи въ 970 году. Комментируя слова третьяго отрывка: „я, то-есть, топархъ, послалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые насъ держались“, авторъ указываетъ на броженіе среди самаго болгарскаго населенія, часть котораго во время второго похода Святослава держалась греческой партіи, а другая русской. „Съ 968 года, говоритъ Васильевскій, несмотря на подчиненіе Святославомъ сѣверной Болгаріи, нѣкоторые города находились еще подъ властью греческихъ правителей, называемыхъ топархами. Когда византійское правительство поняло опасность отъ сосѣдства въ Болгаріи русскаго князя, императоръ пытался ослабить русскихъ вслѣдствіемъ враждебными дѣйствіями, между прочимъ побудилъ печенѣговъ сдѣлать диверсію противъ русскихъ съ тыла, слѣдствіемъ чего было нападеніе ихъ на Кіевъ. Первая часть записи, именно первый отрывокъ, занимается именно этимъ момен-

томъ—посольство къ печенѣгамъ. Какъ греческая, такъ и русская партія старались каждая привлечь на свою сторону болгаръ. Слова отрывковъ: «они раньше отличались справедливостью и законностью по отношенію къ своимъ подданнымъ, а теперь, напротивъ, обращаются жестоко и нарушаютъ ихъ права»—рисуютъ измѣненіе отношеній въ Болгаріи во время 2-го похода Святослава, когда русскій князь сталъ безпощадно наказывать измѣнниковъ“. Изъ отрывковъ видно, что движеніе, вызванное походами Святослава, было громаднымъ: оно простиралось не только къ нижнему теченію Дуная, но шло далеко на западъ. Нельзя не сознаться, что отрывки приносятъ, такимъ образомъ, нѣсколько новыхъ чертъ въ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ русской исторіи, но нельзя думать, что Васильевскимъ устранены всѣ затрудненія по поводу записки греческаго топарха. Не находя здѣсь умѣстнымъ входить въ провѣрку изслѣдованія Васильевского, ограничиваемся указаніемъ на то, что тотъ же вопросъ трактуемъ былъ совершенно въ другомъ историческомъ освѣщеніи авторомъ настоящаго обзора въ статьѣ „Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря“, помѣщенной въ журналѣ *Кіевская Старина*, за 1889 годъ. Кромѣ того, въ Трудахъ VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ (т. III, стр. 278) напечатана статья П. Н. Милюкова, трактующая тотъ же вопросъ съ новой точки зрѣнія. Что записка готскаго топарха можетъ быть еще предметомъ горячихъ споровъ, это видно изъ полемической статьи Васильевского противъ автора статьи „Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря“ и изъ отвѣта на нее, помѣщеннаго на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь и декабрь 1889 г.

4. Изъ предыдущаго мы могли усмотрѣть, что Васильевскій часто и съ особенною любовью останавливался на темахъ, имѣющихъ связи съ древнею русскою исторіею. Не менѣе того его занимали *вопросы, касающіеся южно-славянскою исторіи*, поскольку они могутъ быть изучаемы въ связи съ Византіею и поскольку они способствуютъ выясненію древней исторіи южной Россіи. Специальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ юго-славянскою исторіи, у Васильевского не мало; они могли бы составить довольно компактный томикъ. Сюда прежде всего относятся библиографическія статьи: 1) „О мнимомъ славянствѣ гуновъ, болгаръ и роксоланъ“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюль 1882 года, 2) „Еще разъ о мнимомъ славянствѣ гуновъ“ (тамъ же, апрѣль 1883), съ которыхъ мы и начнемъ обзоръ. Можно замѣтить очень близкую аналогію въ

состояніи изученія древне-русской и древне-славянской исторіи. Въ первой есть непорѣшенный вопросъ: откуда пошла русская земля, какъ и во второй—откуда и когда начинается южно-славянская исторія — составляетъ далеко еще не разрѣшенную удовлетворительно проблему. Какъ въ первой Русь имѣетъ двойника, даже не одного: варяги и скифы, такъ и по отношенію къ колыбели славянской исторіи оказываются этнографическіе термины-двойники. Въ полемикѣ съ Д. И. Иловайскимъ нашъ авторъ пытается выяснитъ первоначальный этнографическій смыслъ терминовъ: славяне, гуны, болгаре и др., которые пѣкоторой частью писателей настойчиво смѣшиваются и приписываются славянамъ. Этотъ споръ, состоящій въ критической оцѣнкѣ текстовъ писателей II—VI вѣковъ, мы не можемъ воспроизвести здѣсь; вновь знакомясь съ нимъ при составленіи настоящей статьи, мы вспомнили злую насмѣшку одной филологической знаменитости надъ пристрастіемъ ученыхъ прибѣгать къ этимологическимъ объясненіямъ, чтобы доказать присутствіе славянскаго элемента въ народностяхъ II и III вѣка: „не нужно много остроумія, стоитъ только захотѣть — и Мекка и Медина окажутся славянскими словами“. Въ спорномъ вопросѣ безусловно становясь на сторону Васильевского, мы считаемъ высказанныя имъ положенія противъ славянства гуновъ вполне правильными и критику источниковъ не подлежащую сомнѣніямъ. Для насъ любопытнѣй та часть спора, гдѣ идетъ рѣчь о болгарской народности. Точка зрѣнія того ученаго, съ которымъ Васильевскій ведетъ полемику, состоитъ въ томъ, будто болгаре и гуны одного происхожденія, то-есть, тѣ и другіе—славяне. Сущность дѣла заключается въ томъ, что Д. И. Иловайскій есть представитель особенной школы по взгляду на происхожденіе болгаръ, именно онъ держится ученія, что болгаре, переселившіеся за Дунай подъ предводительствомъ Аспаруха, были славяне, а не турки или тюрко-финны, какъ думаетъ другая школа. По вопросу о роксоланахъ Иловайскій высказывалъ мысль о тождествѣ ихъ со славянской Русью.

Вообще пужно сказать, что на основѣ оспариваемаго мнѣнія, которымъ онъ пользуется какъ канвой для утвержденія и доказательства защищаемаго имъ противоположнаго мнѣнія, Васильевскій преслѣдуетъ цѣль—предостеречь другихъ отъ очень популярной теоріи, которая тѣмъ болѣе опасна и тѣмъ болѣе можетъ сбивать другихъ съ толку, чѣмъ выше авторитетъ лица, ее распространяющаго. Весьма жаль, что критика Васильевского не такъ распространена, какъ сочиненіе Иловайскаго. Она прекрасно составлена, блещетъ бойкими

выходками противъ оспариваемой теоріи и вообще можетъ быть поставлена какъ образецъ ученой полемики. Мы говорили выше, что полемика продолжается въ апрѣльской книжкѣ того же журнала за 1883 г.; въ этой послѣдней дается болѣе детальнѣйшій разборъ нѣкоторыхъ положеній противъ теоріи славянства гунновъ и болгаръ.

Къ разсматриваемой теоріи слѣдуетъ отнести двѣ статьи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за мартъ и апрѣль 1875 года, имѣющія заглавіе: „Обновленіе болгарскаго патриаршества при царѣ Іоаннѣ Асенѣ II въ 1235 г.“. Цѣль этого труда „сопоставить и разъяснить нѣсколько документовъ отчасти изданныхъ, отчасти неизданныхъ, относящихся къ церковной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политической исторіи Греціи и Болгаріи въ первой половинѣ XIII вѣка“. Особенно важный научный интересъ пріобрѣтаетъ это изслѣдованіе тѣмъ, что оно составлено на основаніи рукописнаго матеріала, оставшагося послѣ преосвященнаго Порфирія и хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Это переписка Іоанна Апокавка, которая заключаетъ между письмами означеннаго іерарха также разнаго рода акты, дѣянія соборовъ, патриаршія и царскія грамоты и письма. Не только потому, что въ изслѣдованіи ставится вопросъ весьма интересный и доселѣ мало обследованный—обновленіе патриаршества въ Болгаріи, но по методу изслѣдованія и по новымъ выводамъ, добытымъ на основаніи не пущенныхъ еще въ оборотъ рукописныхъ матеріаловъ, это изслѣдованіе доселѣ сохраняетъ полное значеніе и должно быть съ пользою для науки переиздано. Идея изслѣдованія можетъ быть обозначена такъ: взаимныя отношенія никейскаго, эпирскаго и болгарскаго вліянія въ Македоніи и Албаніи въ первой половинѣ XIII вѣка. О борьбѣ никейской и эпирской имперіи изъ-за вліянія въ Македоніи, когда Константинополь находился въ рукахъ латинянъ, доселѣ можно было лишь догадываться на основаніи писемъ Михаила Акомината и скудныхъ извѣстій писателей. Этотъ недостатокъ извѣстій въ настоящее время отчасти устраняется драгоценнымъ сборникомъ писемъ митрополита Навпактскаго Іоанна, находившагося въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ О. Комниномъ. Отсюда мы въ первый разъ узнаемъ, какое живое участіе въ эпирскомъ движеніи принимало греческое духовенство. Совершенно новый выводъ—договоръ 1232 года, который точно опредѣлилъ отношенія болгарской церкви въ лицѣ ея представителя, терновскаго архіепископа, къ константинопольскому патриарху въ Никей.

Подготовленный въ 1232 г. договоръ предусматривалъ актъ во-

зобновленія терновскаго патриаршества; участвующія въ соглашеніи стороны: никейскій императоръ и болгарскій царь Асень II въ 1234 году заключили брачный союзъ, при чемъ дочь Асенья сосватана была за сына Іоанна Ватаца Теодора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическій, имѣвшій цѣлью уничтоженіе латинскаго господства на Востокѣ и раздѣлъ латинскихъ владѣній между союзниками. Весной слѣдующаго года І. Ватаца прибылъ въ Лампсакъ и осадилъ Галиполь, принадлежавшій венеціанцамъ, которыми собственно и держался константинопольскій императоръ І. Вриенній. Сюда же прибылъ и царь болгарскій съ супругою и дочерью, невѣстой Теодора Ватаца. Въ Лампсакѣ произошло торжественное бракосочетаніе, которое совершалъ самъ патриархъ Германъ; здѣсь же провозглашенъ актъ автокефальности терновскаго патриарха.—Объ этомъ актѣ до сихъ поръ были скудныя свѣдѣнія. Благодаря изслѣдованію Васильевскаго, поставившему его въ связь съ предварительнымъ договоромъ 1232 года, возобновленіе патриаршества въ Терновѣ становится событіемъ, хорошо предусмотрѣннымъ и подготовленнымъ тогдашними политическими дѣятелями.

Какъ бы продолженіе къ затронутымъ въ разобранныхъ статьяхъ политическимъ и церковнымъ вопросамъ составляетъ большая статья, помѣщенная въ *Византійскомъ Временникѣ*, за 1896 годъ. Здѣсь сообщено тридцать документовъ изъ переписки митрополита Іоанна Навпактскаго—того же самаго, который далъ Васильевскому матеріалъ для предыдущаго изслѣдованія. Нельзя не замѣтить, что любопытная тема о борьбѣ грековъ и болгаръ съ франками и о соперничествѣ двухъ греческихъ центровъ—въ Никеѣ и Эпирѣ не переставала занимать Васильевскаго; печатая часть документовъ въ сейчасъ названной статьѣ, онъ замѣчаетъ: „болѣе подробное разъясненіе смысла и значенія издаваемыхъ документовъ мы постараемся дать въ слѣдующей за ними статьѣ, посвященной связному изложенію первоначальной исторіи эфирскихъ деспотовъ“.—Обѣщаніе осталось невыполненнымъ, но благодаря издателю теперь сталъ извѣстенъ матеріалъ, которымъ можно пользоваться для разработки темы, дѣйствительно весьма интересной и важной для славяно-византійскихъ отношеній въ XIII вѣкѣ.

Къ отдѣлу изслѣдованій по славяно-византійскимъ темамъ слѣдуетъ причислить обширную рецензію на книгу „Образованіе второго болгарскаго царства“, принадлежащую автору настоящаго обзора (помѣщена въ іюльской и августовской книжкахъ *Журнала Министер-*

ства *Народнаго Просвѣщенія* за 1879 г.). Это не есть рецензія въ обычномъ смыслѣ слова, такъ какъ она занимаетъ 104 страницы и во многихъ отношеніяхъ представляетъ самостоятельное изслѣдованіе по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ. Совершенно справедливо смотреть на это изслѣдованіе, какъ на необходимое дополненіе къ нашей книгѣ. Наиболѣе важными отдѣлами изслѣдованія слѣдуетъ признать: провѣрку хронологіи первыхъ десятилѣтій болгарскаго возстанія подъ предводительствомъ Петра и Асеня и экскурсъ о времени бѣгства царевича Алексѣя на Западъ; послѣдній входитъ въ исторію IV крестоваго похода. Съ точки зрѣнія спеціально византійской отмѣтимъ прекрасный экскурсъ о лицахъ, съ которыми находился въ перепискѣ Теофилактъ Болгарскій.

III.

Спеціальныя византійскія темы.

Какъ ни важны труды Васильевскаго въ области древнерусской и древнеславянской исторіи, все же не въ нихъ лежитъ центръ тяжести и не они будутъ имѣть рѣшающее значеніе при общей оцѣнкѣ его научной дѣятельности. Васильевскій былъ византинистъ какъ *ἐξ ὄχου*, и притомъ византиновѣдніе имѣло въ немъ наиболѣе виднаго представителя послѣдней четверти истекающаго столѣтія. Спеціально византійскихъ работъ Васильевскій оставилъ гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо другой области. Можетъ быть, половина всей его научной производительности должна быть отнесена на Византію. Не только ради безотносительной важности этихъ работъ, но и въ силу того обстоятельства, что Васильевскій стоялъ цѣлую четверть столѣтія на стражѣ русскаго византиновѣднія, намъ интересно разобратъ въ нихъ сколько по ихъ значенію въ личной производительности покойнаго академика, столько же по тому положенію, которое они должны занять въ наукѣ о Византіи вообще. Не безразлично даже и то, почему Васильевскій избиралъ тѣ, а не инныя темы, почему къ инымъ возвращался онъ неоднократно. Полезно кромѣ того установить, что онъ считалъ въ изученія Византіи наиболѣе интереснымъ и безотлагательнымъ, и какой въ этомъ отношеніи завѣтъ можетъ извлечь изъ его произведеній русское византиновѣдніе. Повторяемъ, задача весьма трудная, особенно если имѣть въ виду цѣль подвести итогъ производительности Васильевскаго въ этой спеціальной его области.

Прежде всего отмѣтимъ рядъ обширныхъ статей въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, которымъ авторъ далъ общее заглавіе: „Матеріалы для исторіи византійскаго государства“, и которыя помѣщены въ четырехъ книжкахъ журнала за 1879 годъ: мартъ, апрѣль, іюль и августъ. Главная мысль, лежащая въ основѣ первой части этого сочиненія, есть процессъ постепеннаго поглощенія мелкой поземельной собственности крупнымъ землевладѣніемъ и попытки византійскаго правительства задержать этотъ процессъ законодательными мѣрами. Авторъ далъ особенную привлекательность этой спеціальной византійской темѣ тѣмъ, что поставилъ въ связь намѣченный въ Византіи процессъ съ однородными социальными и экономическими явленіями въ западноевропейской исторіи, обнаружившимися при Каролингахъ. „Любопытную аналогію съ жалобами и увѣщаніями каролингскихъ капитуляріевъ представляетъ законодательство императоровъ македонской династіи въ X вѣкѣ, направленное въ защиту убогихъ противъ властелей. Благодаря другому положенію вещей и большей силѣ центральнаго авторитета, благодаря непрерывности римской имперской традиціи, которая была здѣсь еще менѣе нарушена, чѣмъ на западѣ, въ Византіи не могло быть и рѣчи о какомъ-либо раздѣлѣ правительственныхъ и политическихъ правъ власти. Вооруженные старыми государственными преданіями, византійскіе императоры гораздо яснѣе и строже понимали свои обязанности въ отношеніи ко всемъ подданнымъ и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всемъ благо, и что защита слабыхъ и бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ есть ея первѣйшій долгъ... Византійскіе государи македонскаго дома лучше, чѣмъ западные ихъ предшественники, поняли вредъ, который проистекалъ для государства отъ уменьшенія количества мелкихъ поземельныхъ владѣтелей, а также и опасность, которая угрожала бы ихъ власти и династическимъ интересамъ отъ излишняго усиленія властельскихъ фамилій“. Въ частности авторомъ поставленъ смѣло вопросъ о параллелизмѣ социальнаго, экономическаго и политическаго строя на западѣ и востокѣ. Эта широкая тема, однако, оказалась исполненной далеко не во всемъ ея объемѣ. Переходя къ исполненію ея, Васильевскій говоритъ: „Главная задача нашей статьи состоитъ, съ одной стороны, въ изученіи мѣръ, которыя были принимаемы византійскимъ правительствомъ въ защиту крестьянскаго свободнаго и воинскаго землевладѣнія, а съ другой стороны, въ ближайшемъ ознакомленіи читателей съ самыми документами, которые такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ

о существованіи своего рода социальнаго вопроса въ византійскомъ государствѣ X вѣка, но еще такъ мало обращали на себя вниманіе ученыхъ и такъ мало доступны для общаго пользованія и пониманія"... И такъ, на первомъ планѣ ставится передача содержанія новеллъ Константина Порфиророднаго, Романовъ старшаго и младшаго, Никифора Фоки и Василя II „какъ можно полнѣе и ближе къ подлинному ихъ тексту“.

Вторая статья прежде всего знакомитъ съ содержаніемъ одного сборника по судебной практикѣ, извѣстнаго подъ названіемъ *Пира* (*Psira*), при чемъ дѣлается нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о судебномъ устройствѣ въ Византіи. Строгія требованія по отношенію къ изученію сообщаемаго матеріала авторъ отстраняетъ отъ себя замѣчаніемъ: „поставляя своей задачей собрать предварительно необходимый и весьма мало изученный матеріалъ для разъясненія подобнаго рода вопросовъ (то-есть, о византійскихъ податяхъ и сборахъ), мы пока не остаемся на толкованіяхъ и подробностяхъ“. Кромѣ пиры здѣсь же передаются соборные акты о харистикаріяхъ, далѣе шесть писемъ Теофилакта Болгарскаго, наконецъ отрывокъ изъ Евстаѳія Солунскаго „объ исправленіи монашеской жизни“.

Въ третьей статьѣ разсматриваются грамоты и юридическіе акты, относящіеся къ монастырскому землевладѣнію. Матеріалъ заимствуется изъ изданія Миклошича „*Acta et diplomata graeca medii aevi*“. И здѣсь снова авторъ заявляетъ: „мы задаемся болѣе подробнымъ обзорѣніемъ заключающагося въ немъ (то-есть, въ изданіи Миклошича) матеріала, чѣмъ систематическимъ изображеніемъ условій монастырскаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній.—Такая попытка обобщенія кажется намъ пока преждевременною и слишкомъ смѣлою“. Анализъ монастырскихъ актовъ переноситъ насъ въ очень интимную область малоизвѣстныхъ институтовъ. Здѣсь встаютъ передъ читателемъ морта, зевгарій и модій, воидать, то-есть, такіе термины, которые прежде всего должны быть объяснены, чтобы сдѣлать интереснымъ содержаніе актовъ.

Только въ четвертой статьѣ, посвященной аеонскимъ актамъ, авторъ нашелъ возможнымъ отступить отъ принятой имъ системы передачи содержанія памятниковъ; „мы воспользуемся актами, замѣчаетъ онъ, для разъясненія нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ византійской податной системы“. Благодаря этой счастливой перемѣнѣ системы, наука получила нѣсколько весьма важныхъ приобрѣтеній. Такъ, не говоря о попыткѣ объяснить термины зевгаръ и модій, мы

находимъ здѣсь въ первый разъ научно обставленные наблюденія по отношенію къ общности податной номенклатуры въ греческихъ и славянскихъ актахъ, а равно указанія на сходства системы землеизмѣренія въ древней Россіи и въ Византіи. Податные термины, столько затруднявшіе всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдователей, нашли въ трудѣ Васильевскаго довольно полное объясненіе, такъ что въ настоящее время нельзя трактовать о тѣхъ же вопросахъ, не соображаясь съ данными Васильевскимъ объясненіями. Въ качествѣ дополненія къ предыдущему изслѣдованію приложено въ концѣ толкованіе на счетное руководство для сборщиковъ податей, въ которомъ встрѣчаемъ превосходный экскурсъ въ область византійской денежной системы. Этотъ экскурсъ остается единственнымъ опытомъ комментарія извѣстнаго и очень темнаго памятника *Rationarium* Алексѣя I Комнина (*Zachariae, Jus graeco-romanum, III, p. 385*).

Съ точки зрѣнія состоянія вопроса въ то время, когда за него взялся Васильевскій, заслуга его даже по опубликованію матеріала въ русскомъ изложеніи значительна. Уже этимъ однимъ онъ обнаружилъ крупныя недочеты во взглядахъ на нѣкоторые вопросы у Цахаріа, этого общепризнаннаго авторитета въ вопросахъ, касающихся византійскихъ правовыхъ отношеній. Изученіе актовъ и греческой литературы привело его къ ознакомленію съ цѣлыми учрежденіями, доселѣ совсѣмъ не подозрѣваемыми и оставшимися неизвѣстными Цахаріа, какъ пропіа, харистикарій, морта. Поставивъ въ связь съ прежними заграничными изданіями русскія изданія матеріаловъ по изученію Византіи („Аоонскіе акты“ Терновскаго и Т. Д. Флоринскаго), онъ первый соединилъ такой обширный матеріалъ, какимъ до него никто не пользовался для той же цѣли. Такимъ образомъ, благодаря внимательному изученію разнообразнаго матеріала, онъ оказался на высотѣ задачи, отъ которой уклонился и самъ Цахаріа,—объяснить византійскую податную систему и бросить свѣтъ на запутанную финансовую терминологию.

Близкую связь съ рассмотрѣнными статьями составляетъ превосходное изслѣдованіе объ эклогѣ Льва и Константина, напечатанное въ двухъ книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (за 1878 годъ, октябрь и ноябрь) подъ заглавіемъ: „Законодательство иконоборцевъ“, и въ январской книжкѣ того же журнала за 1879 г.: „О синодальномъ спискѣ эклоги“.

Предстоявшая предъ Васильевскимъ задача выясняется въ первыхъ строкахъ его работы, именно, онъ задается цѣлью точнѣ опре-

дѣлать отношенія, въ которыхъ находятся къ эклогѣ и земледѣльческимъ законамъ византійскихъ императоровъ два славянорусскіе памятника: „Законъ судный людемъ“ и „Уставъ о земскихъ дѣлахъ“, приписываемый Ярославу Мудрому. Но прежде предстояло подвести итогъ всему тому, что высказано было въ наукѣ объ упомянутыхъ византійскихъ законахъ. Теперь уже не можетъ подлежать никакимъ сомнѣніямъ, что эклога принадлежитъ иконоборческимъ императорамъ и издана при Львѣ Исаврѣ. Съ изученіемъ этого памятника получилъ особенный интересъ вопросъ о новыхъ принципахъ права, введенныхъ въ византійское законодательство со времени исаврійской династии. Господствующее по этому предмету воззрѣніе основывается на авторитетѣ Цахаріэ фонъ-Лингенталя, издателя многотомнаго *Jus graeco-romanum* и автора *Исторіи грекоримскаго права*, который далъ всестороннюю оцѣнку исаврійскому законодательству, и его выводы по справедливости приобрѣли руководящее значеніе. Превосходно выяснивъ принципы новаго законодательства, Цахаріэ первый бросилъ свѣтъ на проникновеніе христіанскихъ воззрѣній въ свѣтское законодательство (таковы перемѣны по брачному праву, по опека надъ дѣтьми, по имуществу). Но самымъ важнымъ выводомъ, получившимъ глубокое значеніе въ наукѣ, является крестьянскій вопросъ и крестьянская община въ Византіи. Кромѣ того эклога имѣетъ извѣстное отношеніе къ церковному праву и входитъ, какъ составная часть, въ своды церковныхъ законовъ и на этой почвѣ получила чрезвычайно широкое распространеніе, сохранившись во множествѣ списковъ и переводовъ на славянорусскій языкъ, словомъ, какъ составная часть *Номоканона* и *Кормчей книги*, эклога становится весьма интереснымъ предметомъ русской науки—и въ этомъ качествѣ становится объектомъ спеціальнаго изслѣдованія нашего автора.

Въ печатной русской *Кормчей* эклога носитъ заглавіе: „*Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны*“. Кромѣ перевода эклоги въ нашей *Кормчей* печатается еще „*Законъ судный людемъ*“, приписываемый Константину Великому. Уже давно была высказана мысль, что этотъ законъ не можетъ быть считаемъ простымъ переводомъ съ греческаго подлинника, подобно другимъ отдѣламъ *Кормчей*, а представляетъ передѣлку различныхъ статей византійскаго права примѣнительно къ быту славянъ. Точно также не подлежитъ спору, что не Константинъ Великій издатель этого закона, а что тутъ долженъ быть понимаемъ Константинъ Копронимъ, то есть, издатель эклоги. На основаніи изученія славянорусскихъ пере-

водою эклоги можно приходять къ заключенію, что подъ именемъ закона суднаго существовали двѣ славянскія компіаціи изъ эклоги, изъ коихъ одна назначена была преимущественно для судей духовныхъ, а другая для гражданскихъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, славянскій переводъ закона суднаго сдѣланъ былъ первоначально для болгаръ.

Хотя уже и въ предыдущемъ вопросѣ Васильевскимъ сдѣланы были очень важные выводы, но главнѣйшая его заслуга касается выясненія спорнаго положенія дѣла объ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ. Въ древнихъ русскихъ сборникахъ юридическаго содержанія, наряду съ разными переведенными съ греческаго статьями каноническаго содержанія, помѣщается статья: „Книги законныя ими же годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ“. Между прочимъ въ нее входитъ земледѣльческій законъ или уставъ крестьянскій. Этотъ уставъ характеризуется такими чертами, которыя вполне подходятъ къ быту древнерусскаго крестьянства времени Русской Правды, что и опредѣлило мѣсто его въ переводныхъ съ греческаго сборникахъ, а равно повліяло на его историческое значеніе въ древней Руси. Крестьянскій законъ, принадлежащій иконоборческимъ императорамъ, превратился у насъ въ Уставъ о земскихъ дѣлахъ Ярослава Мудраго, то-есть, Νόμος γερμаниκός присвоенъ древнему русскому законодателю. Что касается отношенія этого послѣдняго къ законамъ иконоборческой эпохи, то-есть, къ эклогѣ, вопросъ этотъ не былъ установленъ съ полной твердостью. Находя, что земледѣльческій законъ представляетъ во многихъ случаяхъ дословное сходство съ эклогой (наказанія за преступленія, термины для обозначенія судебной власти), а иногда тотъ и другой взаимно дополняются одинъ на счетъ другаго, Васильевскій приходять къ заключенію, что этотъ законъ изданъ одновременно съ эклогой, или же немного послѣ, и во всякомъ случаѣ долженъ считаться памятникомъ исаврійскаго законодательства.

При изученіи данныхъ, содержащихся въ уставѣ, который можетъ быть охарактеризованъ какъ полицейское уложеніе, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе всякихъ указаній на колонаты и на патронаты. Но самымъ неожиданнымъ явленіемъ представляется общинное устройство и общинное землевладѣніе, какъ принадлежность быта свободныхъ землевладѣльцевъ, сидящихъ на своей землѣ. Для объясненія этого явленія выступаетъ славянская иммиграція въ имперію и послѣдовавшія вмѣстѣ съ ней перемѣны въ социальномъ и экономическомъ строѣ. И такъ, для новаго славянскаго населенія имперія и назначался преимущественно тотъ уставъ, ко-

торый болѣе соответствовалъ его воззрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи стараго римскаго права о личной собственности и о прикрѣпленіи къ землѣ.

Что касается слѣдовъ греческаго крестьянскаго закона въ русской письменности, то наиболѣе древніе встрѣчаются въ такъ называемой Ефремовской Кормчей, относимой теперь къ XI или XII вѣку. Исслѣдованія этого вопроса на почвѣ русской письменности совпадаютъ съ исторіей такъ называемаго устава Ярослава, который оказывается совершеннымъ и буквальнымъ переводомъ съ греческаго. Утвержденіе и обоснованіе этой мысли и составляетъ безцѣнный вкладъ въ русскую науку. Сравненіе русскихъ редакцій устава съ греческими показало, что русскій текстъ соответствуетъ такой греческой редакціи, которая еще не найдена; что русскій переводчикъ не вездѣ, однако, хорошо понялъ оригиналъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно стремился примѣнить нѣкоторыя статьи къ своему быту (замѣна виноградника просто землей, внесеніе въ текстъ „корова“ и „конь“, которыхъ нѣтъ въ оригиналѣ).—Наконецъ, для оправданія своихъ выводовъ Васильевскій привелъ новый матеріалъ (синодальный списокъ эклоги), на основаніи изученія котораго могъ выразиться категорически, что въ уставѣ Ярослава нѣтъ ни одной статьи, которая не была бы взята изъ греческаго подлинника, то-есть, изъ *Νόμος γεωργικός*.

Исслѣдованіе Васильевскаго объ отношеніи эклоги къ русскимъ юридическимъ памятникамъ составляетъ безспорно важную заслугу, которая и признана за нимъ всѣми. Скоро послѣ появленія его изслѣдованія русскія переводныя статьи изъ греческаго Законника были изданы профессоромъ Павловымъ, подл. заглавіемъ „Книги законныя“ (С.-Петербургъ, 1885), при чемъ этотъ глубокій знатокъ древняго церковнаго права въ главныхъ частяхъ вполне присоединился къ мнѣнію Васильевскаго.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ темамъ, считаемъ необходимымъ указать здѣсь нѣкоторыя стороны вопроса, по которымъ дебаты не могутъ считаться законченными. Названные выше изслѣдователи въ своихъ разсужденіяхъ о земледѣльческомъ уставѣ отправляются изъ того соображенія, что это есть памятникъ византійскаго права въ славянской оболочкѣ. Но намъ кажется, что на него слѣдовало бы смотрѣть, какъ на памятникъ славянскаго права на греческомъ языкѣ. При такомъ взглядѣ на дѣло вопросъ объ изученіи устава сводился бы къ изученію славянскаго права въ визан-

тійскихъ законодательныхъ и юридическихъ памятникахъ, а это въ свою очередь могло бы измѣнить взглядъ на греческія и русскія редакціи одного и того же памятника. Далѣе, при изученіи земледѣльческаго закона Васильевскій не могъ не придти къ выводу, что славянская иммиграція въ византійскую имперію сопровождалась весьма важнымъ измѣненіемъ въ внутреннемъ строѣ государства, вслѣдствіе чего имперія обнаруживала особенную жизненную энергію въ борьбѣ съ арабами и болгарами. Это несомнѣнно вѣрно по отношенію къ византійской имперіи въ VIII и IX вѣкѣ; но нельзя не считать недосмотромъ то соображеніе, что въ X и XI вѣкѣ крестьянской славянской общинѣ нанесенъ былъ окончательный и непоправимый ударъ крупнымъ землевладѣніемъ и властельскимъ сословіемъ. Мы думаемъ, что Васильевскому, изучавшему законодательные памятники и юридическіе акты эпохи XI и послѣдующихъ вѣковъ, легко было замѣтить присутствіе въ Византіи того же свободнаго крестьянскаго населенія, которое такъ ясно обнаруживается въ крестьянскомъ уставѣ, если бы въ данномъ случаѣ не слишкомъ повліялъ на него Цахаріэ.

Переходимъ къ темѣ о Метафрастѣ, темѣ, которою Васильевскій занимался съ особенной любовью и которая не оставляла его, можно сказать, до конца жизни. Напечатано на эту тему три статьи: въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1880 г. декабрь, въ *Византійскомъ Временникѣ*, за 1895 г., стр. 79—151 и въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1897 г., июнь, предполагалось еще окончаніе, котораго не явилось въ печати. Исслѣдованія о Метафрастѣ такимъ образомъ представляются и потому весьма любопытными, что къ вопросу подходилъ авторъ въ разное время и съ разныхъ сторонъ и могъ его исчерпать вполне. Вниманіе Васильевскаго къ этой темѣ объясняется тѣмъ, что Симеонъ Метафрастъ занимаетъ весьма важное положеніе въ византійской литературѣ, какъ составитель житій святыхъ и авторъ хроники, которая нѣкоторыми частями своими возбуждаетъ большой интересъ съ точки зрѣнія древнерусской исторіи. Притомъ же въ византійской исторіографіи до сихъ поръ остается еще не рѣшеннымъ вопросъ о хроникѣ, составленной магистромъ и логоветомъ Симеономъ: слѣдуетъ ли автора хроники отождествлять съ Метафрастомъ или нѣтъ. Первая изъ указанныхъ статей Васильевскаго посвящена разрѣшенію вопроса о времени жизни Симеона Метафраста. Какъ почти всегда, авторъ привлекаетъ для рѣшенія вопроса новые матеріалы, которыми не пользовались его предшественники, изучавшіе ту же тему. Вопросъ

о тождествѣ Метафраста съ составителемъ хроники былъ рѣшаемъ до Васильевского въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ по изслѣдованіямъ Гирша Метафрастъ жилъ въ началѣ X вѣка, а составитель хроники въ послѣдней четверти того же столѣтія. Новые матеріалы, привлеченныя Васильевскимъ для новой постановки спорнаго вопроса, составляли: 1) похвала Пселла, 2) житіе св. Θεоктисты, 3) житіе Павла Латрсакаго. Въ похвалѣ сообщаются данныя о воспитаніи и служебной карьерѣ логовета Симеона, который прославилъ себя великимъ подвигомъ по изданію и переработкѣ житій святыхъ. По заключеніямъ нашего автора Метафрастъ умеръ за 50 или 60 лѣтъ до составленія похвалы Пселла, слѣдовательно, около 990 годовъ. Что касается житія св. Θεоктисты, то здѣсь заключенія не могутъ имѣть категорической формы, ибо зависятъ отъ условныхъ посылокъ. Если авторъ житія есть Метафрастъ, и если въ приводимомъ въ житіи разказѣ о пустынникѣ нужно видѣть того же автора, или Метафраста, то по соображенію съ другими обстоятельствами, слѣдовало бы, что въ началѣ X вѣка ему было бы больше 100 лѣтъ (похвала Пселла). При такомъ расчетѣ ему или нельзя приписать составленіе хроники, появившейся, какъ доказалъ Гиршъ, послѣ времени Никифора Фоки (969 г.), или же подвергнуто сомнѣнію его авторство по отношенію къ житію св. Θεоктисты. Житіе Павла Латрсакаго можетъ играть роль въ числѣ матеріаловъ для жизни Метафраста по совершенно особому обстоятельству. По поводу одной тяжбы съ сосѣдями въ 1196 году, игуменъ монастыря долженъ былъ доказывать предъ патриаршимъ судомъ самостоятельность лавры и сослался на монастырскій уставъ, гдѣ выводится на сцену самъ основатель монастыря Павелъ, поручающій лавру самому Христу. Но такъ какъ уставъ монастыря, не утвержденный свѣтской властью, не могъ еще служить доказательствомъ, то пришлось обратиться къ житію Павла, *составленному Симеономъ Метафрастомъ*, и это послѣднее признано было достаточнымъ доказательствомъ въ дѣлѣ. Здѣсь нужно отмѣтить, что привлеченіе этого матеріала для рѣшенія вопроса о жизни Метафраста, независимо отъ всего прочаго, обличаетъ глубокую начитанность автора въ литературѣ и свидѣтельствуетъ о той способности, которая уже была отмѣчена—именно, о дарѣ вычитывать въ источникахъ то, чего другіе не подозрѣвали или на что не обращали вниманія. Такъ какъ время написанія житія Павла Латрсакаго опредѣляется самимъ его содержаніемъ и относится къ 996 году, и такъ какъ оно богато историческими данными, то само собой разумѣется, изъ него можно

извлекать данныя и для темы автора—о жизни Метафраста. Но всѣ эти данныя опять-таки приводятъ къ самому концу X вѣка и, слѣдовательно, съ трудомъ могутъ быть согласованы съ предыдущими выводами: если Метафрастъ, авторъ житія св. Феоктисты, родился около 880 года, то едва-ли онъ же могъ писать житіе св. Павла въ самомъ концѣ X вѣка. Приведенный разобранными матеріалами, которые подкрѣпляются категорическимъ свидѣтельствомъ Яхъмъ Антиохійскаго, къ заключенію, что Метафрастъ жилъ въ концѣ X вѣка и что онъ же былъ и составитель хроники магистра и логовета Симеона, Васильевскій не только далъ спорному вопросу новую постановку, но и рѣшилъ его весьма удовлетворительно.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ со времени появленія этой статьи авторъ не покидалъ затронутыхъ въ ней вопросовъ и продолжалъ собирать матеріалъ для дальнѣйшаго разъясненія положенія Симеона Метафраста въ агіографической литературѣ. Обращаемся сначала къ статьѣ его, къ сожалѣнію, неоконченной, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1897 г. и озаглавленной: „Синодальный кодексъ Метафраста“. Ничто такъ не можетъ характеризовать методъ Васильевского, какъ именно разработка этой темы. Во второй статьѣ специальный вопросъ о времени жизни Метафраста переведенъ на широкое поле разсмотрѣнія всей агіографической литературы, въ которой Метафрасту принадлежитъ центральное мѣсто. Оказалось, что вопросъ о Метафрастѣ вызвалъ послѣ 1880 г. нѣсколько изслѣдованій въ западноевропейской литературѣ, что нѣсколько новыхъ данныхъ къ рѣшенію его появилось и въ Россіи,—давъ оцѣнку этимъ новымъ явленіямъ, Васильевскій прямо вводитъ читателя *in medias res*—въ центръ вопроса о Метафрастѣ.

Въ каталогѣ греческихъ рукописей Московской синодальной библиотеки, между прочимъ, отмѣчена приписка на рукописи, содержащей житія святыхъ, слѣдующаго содержанія: „воспріялъ конецъ сей послѣдній томъ изъ десяти книгъ метафразъ логовета мѣсяца апрѣля индикта I-го въ 6571 годъ при Константинѣ Дукѣ“. Какъ оказывается, приписка сдѣлана въ 1063 году и составляетъ цѣлое откровеніе для вопроса о Метафрастѣ. Не говоря уже о томъ, что ею отождествляется Логоветъ и Метафрастъ, она даетъ ключъ къ подлиннымъ произведеніямъ Метафраста въ области агіографіи, которыя до сихъ поръ не были въ достаточной степени извѣстны. Хотя имѣется списокъ житій, обработанныхъ Метафрастомъ, у Алліція и хотя въ патрологіи Миня именемъ Метафраста обозначены житія, напечатанныя въ трехъ

томахъ, но извѣстно всѣмъ, кто занимался житіями, что никогда нельзя быть увѣреннымъ въ дѣйствительной принадлежности Метафрасту того или другаго житія, помѣщеннаго у Мивя подъ его именемъ. Словомъ, указанная выше приписка разрѣшаетъ вопросъ о подлинныхъ житіяхъ Метафраста, которыя должны дать категорическій отвѣтъ какъ по отношенію къ приемамъ работы Метафраста, такъ и времени его жизни. Изученіе матеріала, заключающагося въ *этомъ послѣднемъ изъ десяти томовъ* Метафраста, какъ свидѣтельствуется припиской, составляетъ первый шагъ, первую научную потребность, за которой неизбежно слѣдуетъ другая задача—подвергнуть изученію другіе сборники житій съ цѣлью выдѣлить въ нихъ произведенія Метафраста отъ житій, составленныхъ другими авторами. Мы не будемъ слѣдить за процессомъ изученія московскаго сборника, ограничимся лишь указаніемъ результатовъ, къ которымъ пришелъ Васильевскій. Несомнѣнно, методъ изученія отдѣльныхъ житій по ихъ редакціямъ и по процессу историческихъ и литературныхъ наслоевъ — образцовый. Въ этой области нашъ авторъ не знаетъ себѣ соперника, и никто лучше его не подготовленъ былъ для этой работы предшествующими занятіями. Стоитъ здѣсь вспомнить анализъ его житій Георгія Амастрискаго, Стефана Сурожскаго и др. Въ разбираемой статьѣ онъ подвергаетъ тщательному анализу житіе преподобнаго Арсенія и опредѣляетъ на основаніи тонкихъ соображеній, какая редакція житія должна быть приписана Метафрасту, и какъ отнесся составитель къ имѣвшемуся въ его распоряженіи матеріалу. На анализѣ житія преподобнаго Сампсона выясняется, что оно составлено современникомъ не только Іоанна Цимисхія, но и Василя Болгаробойцы. Изученіе мученія св. Пантелеймона, при которомъ въ одномъ кодексѣ стоитъ замѣтка τοῦ λογοθέτου, приводитъ къ заключенію, что оно составлено во второй половинѣ X вѣка, и что Метафрастъ жилъ при І. Цимисхія и В. Болгаробойцѣ. Точно къ такимъ же выводамъ приводятъ разборъ и другихъ пьесъ: житіе Богородицы и слово о рождествѣ, воспитаніи и усѣкновеніи Іоанна. Агіографическое изслѣдованіе подтверждаетъ мысль автора о времени жизни Симеона Метафраста и можетъ служить прекраснымъ образцомъ для послѣдующихъ изученій литературы греческихъ житій.

Мы уже замѣчали выше, что вопросъ о Метафрастѣ выдвигается въ литературѣ съ двухъ сторонъ и можетъ быть разсматриваемъ въ двоякомъ отношеніи: Метафрастъ, какъ составитель громаднаго числа житій святыхъ, и Метафрастъ, какъ летописецъ. Васильевскій велъ

свое ученое изслѣдованіе на два фронта. Во II томѣ *Византійскаго Временника* напечатана его статья „Хроника Логовета“, которая такъ же, какъ и сейчасъ разсмотрѣнная, должна быть считаема одной изъ капитальнѣйшихъ. Главный интересъ этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, что къ рѣшенію спорнаго вопроса привлеченъ здѣсь славянскій матеріалъ. Точкой отправленія послужила рукопись Императорской Публичной Библіотеки „Симеона Метафраста и Логовета списаніе міра отъ бытія и лѣтовникъ“. Предстоявшая Васильевскому задача заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить отношеніе указанной славянской хроники Симеона Метафраста и Логовета къ печатной греческой хроникѣ, извѣстной подъ тѣмъ же именемъ. Но такъ какъ оказалось, что славянскій Метафрастъ не имѣетъ непосредственнаго ближайшаго сходства съ той хроникой, которая напечатана въ Боннскомъ изданіи подъ именемъ Симеона Магистра и Логовета и которая обыкновенно слыветъ за хронику Метафраста, то вопросъ значительно осложнился и потребовалъ примѣненія особенныхъ критическихъ пріемовъ. Византійская историографія, если принимать во вниманіе печатныя изданія и не обращаться къ изученію рукописной традиціи, давно уже считается плохимъ матеріаломъ для рѣшенія вопросовъ о зависимости или независимости одного писателя отъ другаго и для различенія первичныхъ редакцій отъ вторичныхъ. Такимъ образомъ, и нашему автору нужно было считаться не съ печатнымъ, а рукописнымъ матеріаломъ. Прежде всего онъ привлекаетъ къ изученію своего вопроса хронику Симеона Магистра въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи, которая, какъ оказывалось изъ краткихъ описаній, по объему захватываемаго времени совпадала съ славянской хроникой Логовета. Изученіе этой хроники не только подтвердило первоначальное предположеніе автора, но еще обнаружило другой фактъ, именно, тожество греческой хроники библіотеки св. Марка въ нѣкоторыхъ частяхъ съ хроникой Льва Грамматика, и такое же тожество съ Львомъ Грамматикомъ обнаружено въ тѣхъ же частяхъ и славянскаго Логовета. Кромѣ того, авторъ подвергъ изученію два списка хроники Симеона магистра въ Вѣнской библіотекѣ, изъ сопоставленія которыхъ выяснилось, что они близки со славянской хроникой Логовета и кромѣ того въ нѣкоторыхъ частяхъ обнаруживаютъ тожество съ текстомъ Льва Грамматика. Наконецъ, парижскій кодексъ № 1712 далъ Васильевскому новыя наблюденія въ подтвержденіе той же мысли, именно, въ этомъ кодексѣ Метафрасту приписанъ тотъ самый текстъ, которымъ начинается славянская хроника Симеона. Если такимъ обра-

зомъ петербургская славянская рукопись представляет собой до сихъ поръ не напечатанную хронику Логовета, изъ которой взято продолженіе Георгія Амартола, 'то возникаетъ потребность отыскать тотъ греческій текстъ, съ котораго сдѣланъ сохранившійся славянскій переводъ. Эта вторая задача вполнѣ разрѣшена Васильевскимъ, при чемъ попутно получилъ разъясненіе цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ византійской историографіи. Точкой отправленія для послѣдующихъ разысканій послужила замѣтка въ славянской хроникѣ Логовета подъ событіями 948 г.: „до зде Симеона Логовета творенье, а отъ зде другаго“. Кромѣ того, обращено было болѣе тщательное вниманіе на отмѣтки въ греческихъ рукописяхъ Амартола подъ 842 годомъ: „до сихъ поръ Амартола, а отсюда одного Логовета“, и подъ 948 г. въ продолженіи Амартола (по изд. Муральта): „конецъ Логовета“, — изъ совокупности этихъ данныхъ получается выводъ, что продолженіе Амартола отъ 842 по 948 г. есть собственно хроника Логовета, которая и въ славянскомъ Логоветѣ также кончается 948 г. Что касается первой части хроники Амартола, то-есть, событій до 842 года, изслѣдованіе этого вопроса не могло уже затруднять нашего автора, разъ у него былъ подъ руками полный текстъ славянскаго Логовета. Это изслѣдованіе, то-есть, сравненіе славянскаго текста съ изданіемъ Амартола у Муральта, приводитъ къ выводу, что тѣ добавленія и вставки, какія замѣчаются въ печатномъ текстѣ Амартола противъ древнихъ рукописныхъ редакцій, могутъ быть сведены въ большей части случаевъ къ заимствованіямъ изъ хроники Логовета. Уже и указанныхъ выводовъ было бы достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству разбираемое произведеніе Васильевскаго, но оно имѣетъ еще болѣе интересный и, можно сказать, поразительный эпизодъ—въ приложеніи къ хроникѣ *Льва Грамматика и Θεодосіа Мелитинскаго*. Оказывается, что греческій подлинникъ славянскаго Логовета скрывается въ печатномъ изданіи Льва Грамматика или же близко съ нимъ родственнаго Θεодосія, или, что то же, что Левъ Грамматикъ пользовался не распространеннымъ Амартоломъ, какъ полагали, а прямо Логоветомъ и что подлинный текстъ Логовета вообще лучше сохранился въ славянскомъ переводѣ, а по мѣстамъ лучше въ редакціи Льва Грамматика. Что касается хроники Θεодосія, то отношеніе ея къ Логовету косвенно опредѣлилъ уже первый издатель ея Тафель (Tafel), признавъ, что она совершенно тождественна съ хроникой Льва. Изъ этого вытекаетъ, что изъ числа византійскихъ историковъ двое могутъ быть совсѣмъ выключены, и на ихъ мѣсто поставленъ

Симеонъ Метафрастъ и Логоетъ; какъ второстепенное заключеніе, является то, что, вопреки общепринятому мнѣнію, хроника, надписываемая именемъ Льва Грамматика, не произошла изъ распространеннаго Амартола, а напротивъ Амартоль распространенъ заимствованиями изъ Льва Грамматика или точнѣе Логоета.

Смѣло можно сказать, что изслѣдованіе о Симеонѣ Метафрастѣ проведено авторомъ въ высшей степени послѣдовательно и методично, что оно открыло совершенно новыя перспективы какъ для изученія агиографіи, такъ и византійской исторіографіи. Въ этой области, такъ сродной предыдущимъ занятіямъ Васильевскаго, добытые имъ результаты останутся навсегда памятникомъ высокаго критическаго таланта, большаго ума и громадной начитанности въ источникахъ.

Въ трехъ книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1881 г. (іюнь, іюль и августъ), помѣщалась статья подъ заглавіемъ: „Совѣты и разказы византійскаго боярина XI вѣка“. Текстъ, послужившій основаніемъ для этихъ статей изданъ въ 1896 году, подъ заглавіемъ *Cesaumeni Strategicon*, въ *Запискахъ Историко-Филологическаго Факультета С.-Петербургскаго Университета*, часть 38. Этотъ прекрасный памятникъ византійской литературы, хотя своимъ заглавіемъ могъ бы напоминать статьи по теоріи военнаго искусства, по размѣщенію въ лагерѣ войскъ и т. п., на самомъ дѣлѣ есть сборникъ съ гораздо болѣе широкимъ содержаніемъ. Въ него входятъ и статьи по военному дѣлу, но въ то же время въ немъ даются правила житейской мудрости, нравственныя наставленія и совѣты, какъ лучше устроить свою жизнь, словомъ, онъ частію напоминаетъ Домострой. Представляя высокій интересъ съ точки зрѣнія византійскихъ воззрѣній на жизнь и нравственность, на семью и общество, на службу и обязанности къ государству, этотъ памятникъ имѣетъ большую важность по приводимымъ въ немъ историческимъ примѣрамъ или дѣйствительнымъ фактамъ жизни, подтверждающимъ то или другое теоретическое положеніе,—и въ этомъ отношеніи составляетъ въ первый разъ пущенный въ обращеніе новый историческій матеріалъ. Нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ въ стратегикѣ Кекамена составляютъ драгоценную находку для историковъ. Сюда относится прежде всего извѣстіе о оессалійскихъ влахахъ во второй половинѣ XI вѣка, полное живыхъ подробностей объ образѣ жизни влаховъ и ихъ отношеній къ сосѣдямъ. Это извѣстіе, какъ историческое упоминаніе о племени, исторія котораго въ высшей степени темна и бѣдна источниками. Должна считаться самымъ древнимъ по времени и самымъ важ-

нымъ по качеству, потому что идетъ отъ лица, хорошо освѣдомленнаго о предметѣ. Далѣе отмѣтимъ еще мѣсто о приключеніяхъ въ Константинополѣ топарха города Задры, бросающее новый свѣтъ на исторію далматинскихъ городовъ въ XI вѣкѣ. Наконецъ, нѣсколько словъ о Гаральдѣ, названномъ прямо сыномъ короля Варанги, составляютъ не только единственное въ византійской литературѣ упоминаніе о службѣ въ Константинополѣ этого знаменитаго норвежскаго принца, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаютъ одинъ изъ глубочайшей важности вопросовъ, стоящихъ въ связи съ древнею русскою исторіей.—Обширный комментарий, присоединенный къ тексту и русскому переводу, освѣщаетъ наиболѣе интересныя мѣста памятника и дѣлаетъ статьи „Совѣты и разказы византійскаго боярина“ совершенно необходимымъ пособіемъ при всякихъ изслѣдованіяхъ по Византии отъ конца X до конца XI вѣка.

Рядъ статей въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1887—1889 гг. посвященъ темѣ „Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи“. Въ 1890 г. эти статьи изданы были отдѣльной книжкой, составившей 237 страницъ, которая имѣетъ значеніе выпуска 1-го и доводитъ обзоръ византійскихъ ученыхъ занятій до XIX вѣка. Эта тема внушена была университетскими лекціями, и преслѣдовала скорѣй популяризацию византійскихъ занятій, чѣмъ специальную разработку одного избраннаго вопроса. Знакома съ процессомъ изданія и обработки письменныхъ византійскихъ памятниковъ на западѣ, книга Васильевскаго дополняетъ новыми чертами исторію европейскаго просвѣщенія вообще и составляетъ весьма важное пособіе при занятіяхъ Византійей. Весьма слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ не успѣлъ написать такую же исторію византійскихъ занятій въ XIX вѣкѣ. Если бы оказались въ оставшихся послѣ него бумагахъ матеріалы для этой исторіи, ими слѣдовало бы воспользоваться для продолженія начатаго полезнаго труда.

IV.

Обработка агіографическихъ темъ.

Въ виду того положенія, которое принято Васильевскимъ по отношенію къ византійской исторіи, именно, что она нуждается въ опубликованіи матеріаловъ и объясненіи оныхъ, мы бы не успѣли въ достаточной степени ознакомить съ рельефными чертами его ученой про-

изводительности. если бы не ввели читателя въ самый процесс собиранія имъ новыхъ матеріаловъ. Отдѣльныя его изслѣдованія о писателяхъ (какъ Метафрасть), законодательныхъ памятникахъ (какъ эклога), о грамотахъ и актахъ—до извѣстной степени могутъ знакомить съ критическимъ талантомъ и блестящей способностью обобщеній. Но наиболѣе свойственная Васильевскому область матеріала, съ которымъ онъ чаще всего имѣлъ дѣло, и наиболѣе присущія ему орудія ученой работы — были житія святыхъ. Конечно, работая надъ житіями, онъ преслѣдовалъ какую-нибудь историческую задачу, такъ что каждая такая работа легко могла бы быть приурочена къ какому-либо отдѣлу. Выше мы останавливались уже на нѣкоторыхъ его изслѣдованіяхъ по житіямъ святыхъ или въ отдѣлѣ общенсторическихъ темъ или славянорусскихъ. Но остается еще много однородныхъ работъ, которымъ хотя и можно бы дать мѣсто въ тѣхъ же отдѣлахъ, но которыя мы предпочли сосредоточить въ одномъ мѣстѣ,—по слѣдующимъ основаніямъ. Надъ изслѣдованіями житій Васильевскій трудился больше, чѣмъ кто-либо, за исключеніемъ развѣ членовъ того ордена, который продолжаетъ работать надъ *Acta sanctorum*. Въ этой области онъ приобрѣлъ замѣчательное чутье и удивительную проницательность и скажемъ смѣло—это была любимѣйшая область его занятій. Такимъ образомъ, намъ предстоитъ здѣсь двумя-тремя штрихами отмѣтить эту сторону въ его ученой производительности и мимоходомъ коснуться значенія занятій житіями святыхъ вообще.

Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1886 г. помѣщена статья „Одинъ изъ греческихъ сборниковъ московской синодальной бібліотеки“, имѣющая предметомъ описаніе кодекса № 160, въ которомъ заключаются житія святыхъ. „Эти житія, говоритъ авторъ, должны имѣть важное значеніе—прежде всего въ качествѣ историческихъ источниковъ, такъ какъ уже давно извѣстно и хорошо на отдѣльныхъ случаяхъ показано, какой драгоценный и богатый матеріалъ въ нихъ заключается для восполненія болѣе живыми подробностями скудныхъ средневѣковыхъ лѣтописей, въ данномъ случаѣ византійскихъ хроникъ“. Не скажемъ, что это новая мысль, напротивъ, большинство занимавшихся Византіей пришло къ убѣжденію, что житія, церковныя слова и ораторскія произведенія составляютъ часто первичный источникъ свѣдѣній объ историческихъ событіяхъ, которыми притомъ не всегда пользовались съ желаемою полнотой лѣтописцы. Такъ какъ въ русскихъ рукописныхъ собраніяхъ сборники житій святыхъ встрѣчаются въ значительномъ

числѣ, и такъ какъ въ нихъ находятся и такіе матеріалы, которыхъ въ свое время давно доискивались во всѣхъ европейскихъ бібліотекахъ знаменитые издатели *Acta sanctorum*, то потребность сдѣлать общедоступнымъ столь важный историческій матеріалъ представляется сама собой. Васильевскій сознавалъ эту потребность и понималъ ее не только какъ личный долгъ ученаго, но какъ задачу, достойную цѣлыхъ учреждений. „Нашимъ ученымъ учреждениямъ, и можетъ быть, прежде всего духовнымъ, не мѣшало бы взяться съ нѣскольکو большимъ усердіемъ за такое дѣло, которое, собственно говоря, напрашивалось бы само собой, не ожидая, что новѣйшіе продолжатели болландистовъ обратятъ вниманіе и на московскія сокровища. Было бы похвально, если бы даже и наша академія наукъ почла эту задачу достойною своего вниманія. Но, конечно, на то мало надежды“... Не разъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Васильевскій выражалъ мысль о недостаткѣ инициативы у тѣхъ учреждений, которымъ надлежитъ вѣдать русскую „ученую честь и славу“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюль 1879). И такъ, съ одной стороны сознаніе безспорной важности новыхъ матеріаловъ, скрывающихся въ русскихъ рукописныхъ сокровищахъ, съ другой же характеръ излюбленныхъ темъ, которыя завѣдомо не могли быть до конца обработаны на основаніи печатныхъ источниковъ, оба эти обстоятельства побуждали Васильевскаго многократно обращаться къ житіямъ святыхъ и выносить изъ знакомства съ ними много пользы и поощренія. „Кто въ Солуни могъ бы думать, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, что важные источники для ихъ города въ византійскій періодъ находятся въ Московской синодальной бібліотекѣ? И житіе Феодоры Солунской было бы драгоценной находкой не только для Тафеля, но и для тѣхъ новыхъ солунцевъ, которые писали о древностяхъ своего, впрочемъ, и для славянъ не менѣе священнаго города“. Анализъ работъ Васильевскаго по житіямъ святыхъ—предполагая, что эта тема не будетъ послѣ него покинута—несомнѣнно весьма желателенъ, онъ могъ бы послужить прекраснымъ руководствомъ для послѣдующихъ занятій русскихъ ученыхъ въ этой области.

Въ житіяхъ святыхъ прежде всего искалъ и находилъ нашъ авторъ матеріалъ для провѣрки міровоззрѣнія и настроенія цѣлыхъ эпохъ. Изученіе значительнаго отдѣла житій помогло ему разобраться въ темномъ вопросѣ о жизни Симеона Метафраста, при чемъ онъ выдвинулъ задачу систематическаго изученія цѣлага ряда произведеній агіографической литературы. Посредствомъ подбора и тщательнаго

ислѣдованія другаго цикла той же литературы ему удалось пролить свѣтъ на житіе Георгія Амастридскаго. Нижеслѣдующее признаніе высказано не ради хвастовства, а обличаетъ не подлежащій сомнѣнію фактъ. „Послѣ довольно обширнаго изученія, посвященнаго памятникамъ агиографіи, мы нашли только одно житіе, которое, подобно разобранному нами житію Георгія Амастридскаго, относится по содержанию своему къ царствованію Константина и Ирины и, однако, умаляетъ о предшествующихъ и послѣдующихъ бѣдствіяхъ церкви“ (Русско-византійское ислѣдованіе, стр. ХСII). Новую обработку ислѣдованія о житіи Георгія Амастридскаго Васильевскій далъ въ 1893 г., когда уже былъ въ полномъ обладаніи агиографическимъ матеріаломъ; поэтому нѣкоторыя страницы въ этомъ ислѣдованіи, посвященныя общей характеристикѣ литературы жизнеописаній святыхъ, должны быть признаны образцовыми. „Конечно, говоритъ авторъ, въ такого рода произведеніяхъ во всѣ времена господствовали одни и тѣ же общіе традиціонныя приемы; простое житіе, какъ произведеніе чисто историческое, всегда отличалось отъ «похвалы» или отъ «житія съ похвалою», ведущихъ свое происхожденіе отъ классическаго панегирика и содержащихъ въ себѣ элементы ораторской рѣчи. Но все-таки въ отдѣльныхъ произведеніяхъ каждаго рода почти всегда можно уловить или почувствовать признаки извѣстнаго литературнаго періода, а иногда извѣстной школы. Стиль несомнѣнно измѣняется съ теченіемъ времени; съ особенной осязательностью это ощущается при сравненіи болѣе раннихъ и обыкновенно болѣе содержательныхъ образцовъ агиографической литературы съ позднѣйшими произведеніями этого рода, напримѣръ XII—XIV вѣковъ, когда пустая напыщенность и надутая риторика достигаютъ послѣднихъ своихъ крайностей и совсѣмъ почти изгоняютъ изъ біографическаго, по задачѣ, труда фактическое содержаніе (ibid. р. ХСV)... Послѣдовательная смѣна школъ съ преобладаніемъ извѣстныхъ приемовъ чувствуется только въ общихъ чертахъ и далеко не установлена посредствомъ спеціальнаго изученія; для этого былъ бы нуженъ цѣлый рядъ равностороннихъ и подробныхъ литературно-историческихъ ислѣдованій въ области столь обильной византійской агиографической литературы, а таковыхъ пока очень мало. Болѣе отчетливыя представленія мы имѣемъ развѣ только о дѣятельности Симеона Метафраста, между прочимъ потому, что направленіе и общій характеръ его агиографическихъ трудовъ объяснены были самими византійцами“. Въ частности, чтобы выяснитъ особенности стиля, языка и литературныхъ приемовъ жизнеописателей

IX вѣка, Васильевскій сдѣлалъ прекрасный анализъ произведеній діакона Игнатія и Никиты Пафлагонскаго, который навсегда останется лучшею страницей въ исторіи агиографической литературы.

Повидимому, первыя побужденія взяться за житія святыхъ скрываются въ поискахъ Васильевскаго за новыми данными для освѣщенія какъ первыхъ страницъ русской лѣтописи, такъ равно исторіи южной Россіи въ до-русскій періодъ. Сюда относятся прежде всего его тетралогія: житія Георгія Амастридскаго, Стефана Сурожскаго, Іоанна Готскаго и Стефана Новаго. Что мысль о всѣхъ этихъ житіяхъ занимала нашего автора именно по связи съ задачами русской исторіи, это ясно выражено имъ на первыхъ страницахъ изслѣдованія о житіи Стефана Новаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюль 1877 г.). Задача автора уже и тогда простиралась, однако, гораздо дальше — къ подробному и сравнительному изученію другихъ однородныхъ памятниковъ византійской письменности за весь иконоборческій періодъ. И нужно сказать, что до извѣстной степени онъ осуществилъ свою задачу, такъ какъ кромѣ указанной тетралогіи или отмѣтилъ, или изучилъ много другихъ житій, относящихся или по происхожденію, или по событіямъ и лицамъ; въ нихъ описываемымъ, къ той же эпохѣ. Такъ какъ житія Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго вновь были переработаны и перевязаны авторомъ, то они являются передъ судомъ науки лучшимъ образцомъ научнаго метода и научныхъ выводовъ. Остается сказать нѣсколько словъ о другихъ житіяхъ. Житіе Стефана Новаго имѣетъ въ сущности косвенное отношеніе къ русской исторіи, именно, по нѣкоторымъ даннымъ для исторіи Крыма, куда Стефанъ былъ сосланъ въ заточеніе. Главное же значеніе оно имѣетъ для византійской исторіи, именно, для иконоборческой эпохи; собственно два факта въ этомъ отношеніи вытекаютъ изъ житія: обширная эмиграція грековъ въ VIII вѣкѣ въ Сицилію и на сѣверные берега Чернаго моря, а равно довольно замѣтная мягкость правительственныхъ мѣръ противъ иконопочитателей. Житіе Іоанна Готскаго составляетъ собственно канву, на которой дѣлается обзоръ исторіи готовъ въ Крыму и основанія православной готской епархіи на южномъ берегу полуострова; этой частью изслѣдованіе прямо входитъ въ русско-историческія темы. Но какъ памятникъ, описывающій жизнь епископа Готіи во второй половинѣ VIII-го столѣтія, житіе І. Готскаго сообщаетъ нѣсколько новыхъ чертъ къ византійской исторіи того времени.—Можно думать, что житія Стефана Новаго и І. Готскаго въ

переработкѣ должны были составить первый выпускъ русско-византійскихъ изслѣдованій. И слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія, вслѣдствіе чего оба упомянутыя житія не могутъ сравниться по обработкѣ и добытымъ изъ нихъ изученія результатамъ съ тѣми, которыя переизданы во 2-мъ выпускѣ.

Въ двухъ книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (іюнь 1876 и январь 1877 гг.) помѣщено обширное изслѣдованіе „Хожденіе апостола Андрея въ странѣ мирмидонянъ“. Если бы требовалось охарактеризовать основную мысль этого изслѣдованія въ короткихъ словахъ, мы бы сказали, что оно занимается раскрытіемъ процесса легенды о хожденіи св. Андрея въ Скиюю. Методологическій приемъ, употребляемый авторомъ для объясненія указанного процесса, мы видѣли уже въ его изслѣдованіи о терминахъ варяги и скиены, равно какъ въ сочиненіи о Метафрастѣ. Задача заключалась въ томъ, чтобы выдѣлать въ извѣстіяхъ литературныхъ памятниковъ VIII и слѣдующихъ вѣковъ о путешествіяхъ св. Андрея то, что заимствовано изъ краткихъ свѣдѣній церковныхъ писателей ранняго времени (IV и V вѣковъ), и то, что находится въ зависимости отъ апокрифическихъ источниковъ. Этими послѣдними, какъ и слѣдовало, удѣлено большое мѣсто; наиболее интереснымъ выводомъ является тотъ, что страна мирмидонянъ соотвѣтствуетъ странѣ антропофаговъ, а послѣдняя Скиюю. Работа выдѣленія фантастическаго элемента апокрифовъ и примиренія противорѣчій происходила въ литературѣ жизнеописаній. Авторъ подвергъ тщательному анализу житіе апостола Андрея, написанное Елифаніемъ въ концѣ VIII или началѣ IX вѣка, и представляющее сводъ существовавшихъ до него преданій объ апостольской дѣятельности Андрея. Особенный интересъ имѣютъ тѣ части житія, гдѣ повѣствуетъ Елифаній о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, имъ самимъ посѣщенныхъ, хотя нельзя не сознаться, что его свѣдѣнія очень поверхностны и сухи и для русско-исторической темы мало примѣнимы. Изъ другихъ писателей объ апостолѣ Андреѣ имѣютъ значеніе извѣстія Никиты Пафлагонскаго и Никифора Каллиста, которые помѣщали антропофаговъ, посѣщенныхъ апостоломъ, въ сѣверной Скиюю, а Мирмидоню въ X и XI вѣкѣ византійскими писателями отождествлялась съ землей русской. Стараясь посредствомъ изучаемыхъ памятниковъ объяснить настроеніе эпохи и господствующее мировоззрѣніе, Васильевскій достигаетъ иногда замѣчательно остроумныхъ выводовъ. Таково между прочимъ сближеніе одного мѣста въ письмѣ Михаила VII Дуки къ Всеволоду

Ярославичу съ господствующимъ литературнымъ воззрѣніемъ эпохи о личной проповѣди евангелія апостоломъ Андреемъ въ Кіевѣ (январь, стр. 186).

Два житія составили предметъ специальныхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ *Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ* (11-й и 17-й вып.). Въ первомъ напечатана повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ, во второмъ житіе Мелетія Новаго въ двухъ редакціяхъ. По основной цѣли и задачамъ, работы по этимъ житіямъ не относились прямо къ византийскимъ темамъ и выходили изъ круга научныхъ симпатій Васильевского. Можно думать, что временнымъ отступленіемъ къ палестиновѣдѣнію нашъ авторъ обязанъ внушеніямъ извѣстнаго почтеннаго руководителя научными предпріятіями въ Палестинскомъ обществѣ, пламеннымъ рѣчамъ и убѣжденіямъ котораго дѣйствительно трудно не подчиняться. Васильевскому удалось, однако, частью соединить интересы византиновѣдѣнія съ специальными задачами, преслѣдуемыми палестинскими занятіями. Повѣсть Епифанія косвенно привела его къ темѣ, которою онъ занимался прежде, ибо автору того же имени принадлежитъ сказаніе о дѣяніяхъ апостола Андрея.

Хотя рѣшенію подлежалъ специальный вопросъ объ авторѣ повѣсти о Сиріи и святомъ градѣ, но необходимо было разобраться въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, подписанныхъ именемъ Епифанія. Методологическій приѣмъ, употребленный авторомъ при изслѣдованіи, состоитъ въ тщательномъ анализѣ подлежащаго изученію произведенія „по собственному внутреннему содержанию и характеру сочиненія“. Результатомъ этого анализа получилось убѣжденіе, что описаніе Епифанія всего болѣе сходится съ описаніемъ западныхъ латинскихъ паломниковъ VIII и начала IX вѣка, оно представляетъ Палестину, Іерусалимъ и его святыни въ такомъ видѣ, въ какомъ они являлись ранѣе XI вѣка.

Обширный комментарий — работа мастера—даетъ прекрасныя изслѣдованія по исторіи и географіи святыхъ мѣстъ, къ которымъ необходимо будетъ обращаться всякій при подобныхъ же работахъ. Не можемъ не отмѣтить здѣсь очень эффектнаго мѣста, характеризующаго состояніе нашихъ занятій по Палестинѣ. „Пожелаемъ только, чтобы тотъ пробѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ стыдъ и сокрушеніе за русскую ученую и духовную литературу, которые мы ощущали при этихъ своихъ занятіяхъ, скорѣе нашли себѣ восполненіе и утѣшеніе. Древняя русская литература имѣла своего Данила Паломника, который не уступаетъ ни въ чемъ ни одному изъ западныхъ своихъ

собратьевъ, а наша современная ученость не можетъ выставить ничего сколько-нибудь соответствующаго трудамъ Тоблера, Вогюз, Социна и т. п.⁴.

Что касается житія Мелетія Новаго, то оно принадлежитъ больше къ области византійскихъ занятій, чѣмъ спеціально къ палестиновѣдѣнію, ибо заключаетъ довольно живую и яркую картину монастырскаго быта и духовнаго подвижничества въ эпоху первыхъ Комниновъ. Кромѣ того, это житіе даетъ нѣсколько интересныхъ историческихъ данныхъ: 1) нашествіе половцевъ на Византію въ 1096 г.—событіе, отмѣченное и въ русской первоначальной лѣтописи; 2) прибытіе въ Ипрейскую гавань части крестоносцевъ, испытавшихъ морскую бурю; 3) указаніе на нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей конца XI и начала XII вѣка.

Послѣднимъ напечатаннымъ произведеніемъ была статья въ VI томѣ *Византійскаго Временника* „Въ защиту подлинности житія патріарха Игнатія“, составленная съ цѣлью опроверженія мнѣнія Г. П. Керамевса о подложности означеннаго житія. По тому тону, какимъ трактуется вопросъ, по силѣ и энергіи, съ которыми авторъ пускаетъ въ ходъ свои научные ресурсы, изъ защиты переходя въ нападеніе, статья эта можетъ напоминать полемическіе приемы болѣе ранняго времени. Это легко будетъ понять, если вспомнимъ, что житіямъ IX-го вѣка авторъ посвящалъ много предварительныхъ изслѣдованій и что въ частности литературные приемы Никиты Пафлагона, автора житія Игнатія, онъ предварительно изучалъ для другихъ цѣлей.—По всѣмъ признакамъ интересный вопросъ объ авторѣ житія Игнатія еще не можетъ считаться исчерпаннымъ. Г. Керамевсъ обѣщаетъ продолженіе, въ которомъ займется указаніемъ источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи у фальсификатора. Но если, дѣйствительно, какъ говоритъ Васильевскій, источниковъ житія онъ будетъ искать въ хроникахъ, то, несомнѣнно, г. Керамевсъ обрекаетъ себя на безнадѣжную задачу.

Въ заключеніе настоящаго обзора позволимъ себѣ нѣкоторыя общія соображенія. Сочиненія Васильевскаго производили въ свое время, по мѣрѣ появленія ихъ въ печати, значительное впечатлѣніе въ тѣсномъ кругу интересующихся историческими знаніями, но потомъ скоро забывались, и вновь перечитывались весьма ограниченнымъ числомъ специалистовъ, когда по роду своихъ занятій они касались тѣхъ же самыхъ предметовъ. Свести по возможности всю массу написанныхъ Васильевскимъ статей въ разныхъ мало распространенныхъ изданіяхъ

въ одно цѣлое и распредѣлить ихъ для большаго удобства читателя по отдѣламъ, согласно ихъ содержанію, казалось намъ въ настоящемъ случаѣ наиболѣе полезнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли содѣйствовать выясненію ученыхъ заслугъ академика Васильевскаго. Мы бы считали себя вполне удовлетворенными, если бы передали читателю *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* наше собственное впечатлѣніе, полученное при новомъ пересмотрѣ всего оставленнаго Васильевскимъ литературнаго наслѣдія. Въ краткихъ словахъ это впечатлѣніе можетъ быть выражено въ слѣдующемъ. Никто еще у насъ такъ глубоко и съ такимъ успѣхомъ не захватывалъ византійскихъ темъ и никто не доходилъ въ своихъ попыткахъ обнаружить зависимость изученія русскихъ историческихъ и литературныхъ сюжетовъ отъ византійскихъ до такихъ положительныхъ и поражающихъ своей наглядною реальностью выводовъ. Ему первому, слѣдовательно, принадлежитъ та честь, что онъ снялъ съ Византіи покровъ таинственности и нѣсколько приблизилъ ее къ понятію читателя, даже средняго образованія. Коснувшись всѣхъ наиболѣе заманчивыхъ темъ, которыми занятія Византіей соприкасаются съ нашей національной исторіей, онъ способствовалъ тому, что византійскія занятія стали по-немногу входить въ нашъ обиходъ и интересовали часть образованнаго общества. Исходя, однако, изъ того убѣжденія, что мы переживаемъ еще по отношенію къ византизму періодъ собиранія и очистки матеріала, онъ никогда не брался за широкія темы, хотя по поводу отдѣльныхъ памятниковъ способенъ былъ писать обширныя изслѣдованія, захватывающія широко и глубоко разнообразныя отѣнки жизни эпохи. Особенно свойственная ему черта въ изслѣдованіи—это наглядное изображеніе всей исторической обстановки, среди которой появился памятникъ и проникновеніе въ психологію общества и настроеніе историческихъ дѣятелей и писателей. Для этого, несомнѣнно, требовалась громадная начитанность въ литературѣ, широкая подготовка въ вспомогательныхъ для исторіи дисциплинахъ и беззавѣтная любовь къ изучаемому предмету. Въ первый разъ византійскія занятія въ Россіи получили въ Васильевскомъ такого представителя, который былъ въ состояніи и дать имъ серьезное направленіе, и до извѣстной степени обезпечить ихъ продолженіе въ будущемъ, а равно и привлечь къ нимъ вниманіе своихъ университетскихъ слушателей. На обязанности тѣхъ учреждений, которыя своей ученой славой и авторитетомъ украшалъ Васильевскій, будетъ лежать, чтобы сдѣланные имъ посѣвы не заглохли и чтобы та область

знаній, которую онъ такъ высоко поставилъ, продолжала культивироваться въ Россіи и обратилась бы въ настоящую историческую школу, почерпнающую свои преданія отъ Васильевского.

Питая твердую увѣренность, что въ томъ движеніи въ области византиновѣдѣнія, которое падаетъ на послѣднюю четверть истекающаго столѣтія, сказалась наарѣвшая потребность русской науки, которая и выразилась какъ въ ученыхъ трудахъ Васильевского, такъ и въ нарождающейся подъ его профессорскимъ вліяніемъ школѣ молодыхъ византинистовъ. мы не имѣемъ основаній предаваться унынію и печали при мысли о будущихъ судьбахъ русскаго византиновѣдѣнія. Если Византія въ настоящее время не пахотится болѣе въ томъ состояніи, когда она представлялась загадкой во всемірной исторіи, то этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ мастерскимъ изслѣдованіямъ Васильевского, на которыхъ лежитъ печать таланта. Потерявъ своего вождя, русскіе византинисты могутъ съ гордостью называть его имя и съ благодарностью извлекать полезные уроки изъ его сочиненій.

Во имя благодарной памяти къ учителю ¹⁾—еще два слова къ ученикамъ В. Г. Васильевского. Въ попыткѣ оживить византийскія занятія въ настоящее время замѣчается благородная конкуренція, вслѣдствіе которой мы становимся свидѣтелями небывалаго подъема интереса къ этимъ занятіямъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Мнѣ казалось бы дѣломъ первостепенной важности рассмотреть ученые труды Васильевского по связи съ общимъ движеніемъ въ византийской наукѣ за послѣдніе годы. Это столько же полезно съ точки зрѣнія задачъ византиновѣдѣнія въ Россіи, сколько въ частности для подведенія итоговъ заслугамъ, оказаннымъ Васильевскимъ. Было бы поэтому весьма желательно сдѣлать предметомъ спеціальнаго изученія, предметомъ диссертации на ученую степень—исторію византиновѣдѣнія въ послѣдней четверти столѣтія и отмѣтить, на основаніи параллельнаго изученія этой исторіи въ Россіи и въ Западной Европѣ, тѣ задачи и проблемы, которыя въ наукѣ поставлены на очередь и которыя могутъ считаться наиболѣе важными и обязательными въ настоящее время. Въ частности, ради поддержанія интереса

¹⁾ Авторъ настоящаго очерка оканчивалъ университетскій курсъ, когда Васильевскій началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Первый курсъ Васильевского посвященъ былъ обзору источниковъ перваго крестоваго похода. Курсъ этотъ въ числѣ немногихъ филологовъ слушалъ и я.

въ Россіи къ византійскимъ занятіямъ, было бы желательно отобрать лучшія изслѣдованія Васильевскаго и переиздать ихъ съ той цѣлью, чтобы они могли служить въ качествѣ пособія въ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ, для толкованія и объясненія византійскихъ письменныхъ памятниковъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что рѣдкое сочетаніе счастливыхъ дарованій у Васильевскаго получаетъ прекрасную гармонію въ неподобной отдѣлкѣ частныхъ вопросовъ и въ превосходномъ освѣщеніи отдѣльныхъ памятниковъ.

Ф. Успенскій.
